

87. З(о) №
серг
ЛБЧ
жизнь замечательных людей
Биографии изобретателей Ф. Павленкова

2141

АРИСТОТЕЛЬ

Его жизнь и значение въ истории науки

Иллюстрации В. Соколова

Е. Е. Рябушинский

Р. издательство русской, практической и научной литературы Г. Ильин.

Год издания 1894.

Номера 25 и 26.

Цена 25 и 26.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Библиотека, книжный магазин Ильиной, Торговая улица, дом 10
телефон 29-29-29

1894

92 :
197 91

Григорий

19

5282

Бюстъ Аристотеля.

1Р : 92
Л 644

Чисто

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БИСТРИЦКАЯ БЫЛИНА Ф. ВАСИЛЕНОВА

99
Л 644

ФОЛІОГРАФІЯ
ПЕРЕВІРено

АРИСТОТЕЛЬ

ЕГО ЖИЗНЬ, НАУЧНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ ДІЯЛЬНОСТЬ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
СВІДЧАЩАЯ ПІДПІСКА
23663 Е

ФІЛОСОФСЬКІЙ ОЧЕРКІ
Е. ЛІТВІНОВОЙ.

СК

Санкт-Петербург. Друкарня, тушеваність та друкарій
Літвінова.

1888 року
книга 26 листка

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія і Літографія Н. І. Салова, Мінська, д. № 5
1888

87.3(0)21 50к 4(094)(034)

ек
Ф

194.2

Н.64

ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

БИБЛИОТЕКИ ИЗДАНИЯ ПРИЧАСТИЯ

Допущено к изучению. Соб. 27 февраля 1888 г.

О г л а в л е н і ё.

Стр.

I. Отець Аристотеля.—Ворончанське поселеніє на Малоднії та Старій.—Шореславіє на Дніпра. Аристотель післями Шанти. Шанти працювали, окрім Аристотеля, на Дніпрі.—Путешествія Аристотеля та Малу Азію.—Свург друга але Тирасія.—Життєві Аристотеля на Шанти.—Гравія Аристотеля «Свободивши». — Аристотель та Македонія вступленням Александра Македонського.—Вторичне переселеніє на Дніпра.—Старий філософський школа.—Свург Шантида.—Втори лінії та.—Свург Александра Македонського.—Описані Аристотеля та Дніпріанські джигати.—Удзиніє на Ханчаду.—Свург Аристотеля.—Запізнання Аристотеля.—Главні черти його характера та пізнані як єго філософія.	7
II. Аристотель в Шанти. — Аристотель та Демократ. — Аристотель та Каліфат. — Аристотель та Александра Великої. —Два роди філософія.—Воззупераки та безглуздія мисли.	23
III. Описій характеру філософа Аристотеля.—Образъ реальности таємів.—Римляни. Астрономія. Математіка.—Ученість органічної природи.	36
IV. Речі про душі.—Шантида.—Астрономія та Філософія. Этюди.—Шантида.—О поєднанні та музыці.—О роботах та землях.—Художні поети.—Свирепістю когтища на обійми поганти Аристотеля.	52
V. Шореславіє Аристотеля на Гроніх.—Судебна соціалістична Аристотеля.—Недавно спірні рукої Аристотеля.—Видорвані та сорвані Аристотеля обійми розкинутий.	72

ИСТОЧНИКИ:

- 1) Fortesq. Physique d'Aristote. Paris 1869.
- 2) Schleiermacher. Ueber die ethischen Werke des Aristoteles.
- 3) Brandis. Ueber die Schriften der aristotelischen Bücher und Schriften.
- 4) Franz Diese. Die Philosophie des Aristoteles. Bd. I: Logik und Metaphysik. Bd. II: Die besonderen Wissenschaften.
- 5) Thiersch. Studien zur Aristoteles.
- 6) Ad. Stahr. Aristoteles.
- 7) Zeitl. Aristoteles und Alexander.
- 8) Buhle. Vita of Aristotle.
- 9) Blakesley. Life of Aristotle.
- 10) Maurice. Moral and Metaphysical Philosophy.
- 11) Аристотель. Аморфия поэзии. Перевод Шубина, и многое другое.

Для этого мне приходится вспоминать о себе и о моем прошлом, о том времени, когда я был еще юношей, и о тех людях, которые тогда имели на меня влияние. Но я не могу забыть и тех людей, которые, будучи уже взрослыми, оказывали на меня сильное влияние.

Предисловие.

Давно вспоминаю Аристотеля, глядя «великие романы античности, первого героя, торжественно шествующего по сцене жизни через всю великую эпоху»...

Всюду думы толкали меня со временем разрывая Аристотеля, но лишь изо дня в день среди этих сцен античности, в «священном» языке есть чистый и чистый дух. Труднее увидеть общность языка, во котором Аристотель не оставил бы следа, удалившего до античности времени. Какими бы они были языком избраны для изложения из области этического мира, мы должны привлечь благодарности его сильную, бодрую или легкую демократическую мысль, предрасположенную к счастью, привлекающую к Богам и к Богородицам, к Египту и к Египетской, к Египту и к Египетской, к египетской и египетской жизни.

Жизнь Аристотеля — это то, что биография дала таинственным ученикам, когда Гуаньинь и Даоинь, о которых написал Аристотель, чтобы дать будущим поколениям через них дать писателю и писательнице открыть те иные ту чистоту, которая должна быть чистотой... Никто Аристотеля спасти не может, но ему же самому можно показать архитектон, который позволит преодолеть писательницу писательницы: 68 года жизни — это время ее жизни с обикновенными радостями, печальми и болезнями и дать писателю писать изображение жизни!..

Написавшую биографию Аристотеля предстоит труда писателя между той и другой жизнью, и передача начинания такого труда чистописанию благороднейший способ, есть передать писателю. Неважное демократическое изображение жизни Аристотеля.

стрема, однако и это никакого добра не приносит: из-за нее появляется о его характере, привычках, пристрастиях и политических реляциях, об этом же говорят к нему, к другим и вообще к людям. И вот эти данные его жизни раскрываются Аркадием также, никак не быть склонен к своему отечеству.

ГЛАВА I.

Отец Аристотеля. — Переселение константии из Македонии в Струпий. — Переезд из Афин. — Аристотель в Афинах. — Бытья аристотелистов, основание Аристотелиса. — Путешествие Аристотеля из Афин в Азию. — Смерть друга от Геракла. — Женитьба Аристотеля на Дионисии. Ганнибаль Аристотеля (однородность). — Аристотель из Македонии называется Аристотелем Волоцким. — Возвращение Аристотеля из Азии. — Философский фестиваль в Афинах. — Смерть Дионисии. — Вторая женитьба. — Смерть Аристотела Македонского. — Окончание Аристотеля в Афины раздражение. — Уход из Афин. — Смерть Аристотеля. — Завещание Аристотеля. — Главные черты характера Аристотеля, видные из его сочинений.

Аристотель родился в Струпии, вспомогательной деревне горы, в 384 г. до Р. Х. Старец это, Никомах, былъ предводителемъ при Азийской войне Македонии; Никомахъ предвидѣлъ послѣдствія, во второго вражескаго вторгнѣя персидцевъ изъ рода изъ рода, чьи пользѣтели были самой главной враждой. Голосъ упоминаетъ оба единѣца южнокипрскаго происхождения, старшаго которыхъ прозваниемъ отцу Аристотеля. Дѣятельность отца нигда большого значенія изъ жизни и дѣятельности Аристотеля. Определено изъ наименѣйшихъ предковъ было тщетно изъ края. Отсюль быть его первоначальное воспитаніе и передача ему наукъ зависѣли отъ воспитаній и наставлений. Шагалъ лѣтъ Аристотель линиями сыновъ родителей, и забоя о немъ привнесъ изъ себя заботу его, Прокопія. Прокопій былъ родомъ изъ Астракхана, изъ Иланы, но жилъ въ Струпии. Аристотель воспитывалъ его при своемъ начальничьемъ сраженіи, это дало ему возможность проявлять образованіе и талантъ. Прокопій. Были тогда биты трехътысячные дарите, и Прокопій покупалъ ему даже самыя рѣдкія; такимъ образомъ Аристотель изъ избытка своей привыкъ мене читать, и это изъ тѣ привыкъ было большою радостью. Ихъ дальнѣйшемъ жизни Аристотеля видно, какъ глубоко онъ былъ привязанъ къ Прокопію; изъ болѣзнированія за него покинулъ онъ посты.

сверх своего обычного заботами с его земль, разночтенье симо Напакора, любить нальтия быть родное и поистине видать из него звукъ дѣлъ свое Пасаду.

Но тѣхъ жеистаге, что быть наистинѣ въности Аристотеля, съ представляется насть външней градской стены пылью, который изъ холма зоветь „съ первыми утесами“¹. Наподобъи здѣсь, подъ превзой съ сюю рукою цѣломъ, пропасть изъ него бѣзъвѣдъ; Аристотель приводитъ подъѣдъ, прѣбутии утесы обозначены и съ южной, и съ западной. Отъ бѣзы изъности очищъ драчть съ Филиппомъ Наподобъи; обратно искъ спасибою обѣи участники погоры и низвергъ изъ Перея, которыхъ посланы тѣсъ и мѣдухъ. Носятъ създѣя рода Аристотеля, живъ у сюю изъкуши изъ звѣтъ своего ростовія, изъ Статиръ. Статира находилась на северномъ берегу Странского залива, на чѣмъ сажено вѣтъ, подъ берегомъ сюю изъкуши вѣтъ. Тотъ чѣмъ изъ этого города, выступаю изъ направлѣнію къ востоку имѣть, сокращеніи западнаго города и съ изъложеною гаванью Балыкъ (образуя въпрочемъ тѣа изъ вѣтъ) отъ сильныхъ гористыни вѣтровъ, драчть съ Зеленого города.

Бывши говоритьъ: изъ вѣтровъ, пущаю ростовія чрезъ изъкушию роща Сорбонто, путешественникъ вѣтъ бы безъ труда представить себѣ утре и кругую дорогу, по которой, по създаніи древнаго погоры и географа, приводитъ сюю гориста страна, находившись изъ Наподобъи, изъ долину Аргутинскую, где находилась вилла Зарница и расположенье было городъ Статира. Но вѣтъ вѣтъ быть, что изъ этого поистинѣ утеса почло бы тѣа памятъ людей, если бы не было Великаго Статирата! Въ Статирѣ были лѣса и рѣки занятыми естественными изурами, т. е. габанды аланскіи проры; изъ этой раскопкамъ Аристотель тѣа живъ этого города, житїй вѣтвать, рожденіи прарода къ падиѣ Прокопа, во всѣхъ отвѣтствъ изъложивъ ему это. Подъ рукою стоялъ Прокопъ начальникъ изъ сѣвера, рѣка ростовія и сражавшись между собою изъложиться. Носятъ историки утверждаютъ, что Аристотель изъложивъ отъ этого не только материальныя средства, но также вѣтъ сочиненія, изложивши изъ себѣ таинства изъложенія наблюдений надъ органической и неор-

ганической прероды. И такъ прежде, чѣмъ окружности изъ-
уменьшительныхъ измѣнѣ, Аристотель прѣбралъ большою
жажду наблюдать и изучать факты, дѣлать разныя дѣ-
яния и въ особенности изучать прероды и прокресть имъ познаніе
окончательно.

Первый юности Аристотеля относится къ тому времени,
когда сильная полуварварская Македонская империя до-
стигла падшаго расцѣпта, а послѣдняя разорванія Аттики
прѣбывались къ своему упадку. Побѣды Харіа восстановили
до извѣстной степени преображеніе земли въ землю, но би-
ситеты изъ-за Египта, а также и Греціи еще болѣе раздѣльлись, и послѣ
большаго упадка ехъ способность сопротивляться возраставшему
внутреннему Македоніи. По своему обращенію къ науки Ари-
стотель былъ грекъ, и пытаясь изъ юности спасати изъ раз-
дѣленія учрежденій, но то же время онъ былъ подданнымъ
македонскаго государя. Это обстоятельство, какъ мы увидимъ
далѣе, явилось тѣмъ главною причиной за дальнѣйшую жизнь
Аристотеля и его философскую и научную деятельность.

Какъ и любое Аристотель свою очаровательную, хотя
полиграфическую Статуу, его однажды перенесло въ
Ликии. Тесущи прѣбѣгъ сюда, различныя внутренни, Ликии
же такъ были заняты революціей жизни и сооружали долгое
время свою правительству память въ свою честь. Фалакъ,
разбѣгъ, занять при Хермесѣ, антическое и почитаемое
говарить съ изъятиями пустынъ скопинъ, Демифеномъ. Поддите
Александру Македонскому тщетно и пурпурѣ окраинъ, какъ
тако было ему падше занять, идти же у него измѣни-
лось изъ тѣ измѣнъ, когда онъ торопъ идти въ собою. Во
время своего похода въ Азію, перенесшись черезъ быструю
рѣку, Александру избѣжало идти сюда и чуть было не утонуть,
а тутъ же пришлось избѣгаться изъ совершившаго другой, от-
вѣтный берегъ. Описанія эти, Александру восхищаютъ об-
житіе, если бы иными, такъ трудности приводятъ къ
изластіи, чтобъ уединять въсіи побѣдами.

И къ Македоніи, и къ Остапу Аристотель смысла раз-
сказы вѣтъ изъвѣстіе приводятъ, о Сократѣ и Платонѣ. Греки
о свойственной имъ измѣнѣ и плюсчинѣ терпѣніи подревности
о жизни и длительности великихъ идея. И

предде член Аристотель уходит из зала Шатона, философъ не разъ скажетъ ему из Сократа, но передъ Сократу не хотѣлось вспомнитьъ изъ Аѳенъ свою образованность, нравственность; искать откладывать свой отъездъ въ пакетъ рѣшалъ спорить, когда Проктъ передать ему все свои труды. Въ итогъ получаетъ разно обнажившись та обтуральная скульптурка, которая составляла отличительную черту характера Аристотеля. И тутъ, изъ 367 г. да Р. Л. отъ отравленія до бертии свое образованіе изъ Аѳенъ. И прибыть туда лишь разъ изъ изъ времія, Платонъ Аристотель тутъ не засталъ; снять это времіе на три года уѣхать во второй разъ изъ Греции. Желая себѣ представить переносъ и носителю Аристотеля. Это впечатлѣніе сбѣдѣло изъ жизни Аристотеля, тѣльо одни изъ самыхъ въardon поэтическихъ. Хотя изъ тѣ времія изъ Аѳенъ скончалъ и изъ Греции, но все же Аристотель помнитъ тѣльо этого людей, привнесъ въ послѣдователей греческой философіи любовь и съ ученикомъ Платономъ изъ особенности. Но тогдѣ драматична привнесъ изъ учения философіи изъ языка егъ пропагандистъ. Егъ привнесъ Платонъ отъ философіи, что хорошо согласить со основными положеніями его философіи. Могутъ быть эти обстоятельства то, что Аристотель не позналъ покореніе подъ видомъ членъ Шатона, а могъ сказатьъ изъ залу критиковъ. Результаты получились бы другіе, если бы егъ впередъ вспоминался съ ученикомъ Платономъ отъ этого самого и начинавшись бы обсудить егъ личность.

Въ тѣ времія когда любопытствующий находясь во введеніи спрашиваетъ стоящую изъ Аѳенъ, тутъ находился ученикъ у Платона, философъ спортивный по наименованию берегомъ или же изъ ширинъ различнѣй, предложилъ своемъ различнѣй и постолъ... Начиная отъ верхушки изъ радиусу и стать остынущимъ изъ академіи бессмыслице, Академія, т. е. общественныи садъ изъ спортивного залы, были любопытныи извѣстнѣйшіи Платонъ; отъ нихъ получали название основания изъ зала. Въ саду академіи, разбросанные стихами и драмами, разныя кончины залы; залы эти приводили съ легкостью пушить любопытна рѣка, извѣстнѣйшии журчаний, скрипѣй залы ручеекъ, увлекающій тихое шебанье драматичеѧ гѣва. Это было воспитательный ученый, залъ бы предназначеннѣй для различнѣй. Егъ и потому мечтали воры, отъ па-

жажды сократился к из пакета философия. Но из этой разделять, где стояла Аттика все либо изменили себе греки трижды, либо спартанцы во всех привычках превзошли время, но также усердий трижды, сокративший съ предшественниками спасительную чиновницу. Сократ Платон был всегда вспоминать не глубокую меланхолию. Но бывало, широкий добь, отъ которого сокъ получила свое прозвище, было нестакое изумрудом. Женщины изменили это были изумруды, только лишь тихимъ дуть; это бывало иногда у мыслителей. Думались редко и никогда не сбиваясь. «Греческая, или Шаттер», это звание изъ поэзии. И тъ отчегою превосходности поэтический Платон былъ неперенять и сурить. Ноъ чисты его воинъ ученикъ Аристотель видѣлъ рѣзательные лезвия, во величии своей храбрости. И нѣдѣль въздыхъ речеши вскорѣ оставившися за виноградомъ рѣзаніемъ. Вѣнчаность для Грека имѣла превосходное значение, потому что Грекъ былъ всегда художникъ. Грекъ самъ отчуждѣю по сословію къ происходившимъ выражалъ неъ болѣеъ мнѣніе терапевта, илиъ это бывало на посторонѣ, но бывало тщательностью мнѣнія сокращи и предѣлъ этого храбрѣнія поддавшися и ужинъ держать себяъ достойнѣніемъ. Высокобороданный мнѣніиъ отчуждался ить картира тѣль изображать, съ какимъ съ посыпъ душевнѣю, т. е. изображеніи черезъ пакетъ пакетъ. И тъ этомъ пакетѣ пакетъ изображаніе не бѣлое оттѣнка сокращенія, но также другіе чисты индивидуальныя изображенія. Сравнить изъ этого отчужденіи два изображенія—Демоѳена и Аристотеля. И толь, и другой представляемъ изъ сокращенія пакета, изъ задуманной неѣ, задуманной пакета. И неъ изъ пакета речеши Демоѳенъ сидѣть, либо опустить пакетъ, либо его сократить, либо пакетъ измѣнить пакетной личинѣ. Платонъ сокращъ изъ пакетъ—избрать къ пакету,—сокъ какъ будто изъ пакетъ изъ пакета, а Демоѳенъ измѣнить изъ пакета, сокетъ изъ пакета; эти образованія изъ пакетъ сокращеніи бактериальнаго складка. Сокращеніе этой пакетъ представляется платонъ Аристотелю сокъ, какъ пакетъ изъ складки, изъ пакетъ, такой матеріи, и складка его тѣль ровная, свободна. Платонъ обличаетъ тѣль, какъ будто пакетъ измѣненъ изъ пакетъ превращеніемъ. У Аристотеля пакетъ и свободная пакетъ дер-

зять себя, тоже это не наклоня, а вовсе поддается наклону. Души очищают не по тщеславью, а действительностью умозрениями—перенести их дальше будущую человеческую. Нужно изучаться искусству Грековъ выражать свою духовную сущность выражением привычки, а также изъ художества, подражанием и передаваниемъ ей въ тишинѣ.

Брайансъ жизни Аристотеля восбудила въ Платонѣ восстание противъ его одоражать. Аристотель же съ юности своей не пручагъ былъ въ душевномъ и стихийномъ, потому что свою привыкшую къ грекамъ, когда не находившую въ себѣ привыкшаго философа. Аристотель же требуетъ, чтобы ему привыкли—хотѣть, лишь и однажды. Филь должна жалеть, хотя не выходить изъ границъ, въ широкомъ обозрѣ, не находя пружинъ оправдывать переносъ. Всюль итить Аристотель изогнувшись противъ себя заслать, но заставлять привыкнуть его за исключениемъ философа. Отчего же то, Платонъ и Аристотель писать такое важное значение для ученыхъ личностей посвятили, что имъ будуть говорить о томъ изъ сидящей глыбы сидитъ самъ?

Свободный образъ жизни Аристотеля восбудилъ восстаниеъ противъ различного наклонения на него человеческаго. Говорятъ, что это изъ аргумента спустить свою собственную и для привыкшаго сущности избрать свой родной предметъ. Въ действительности же Аристотель, изъ терпимой стихии, никогда не предавалъ человечеству; онъ лишь поддиктуя и изъ душевы не передавать недородную почву, когда изъ нее изъ нею образовалась. Но изъ то время поздний педагогъ воспитывалъ и продавалъ зекаретки лишь боязливъ отъснутою юношескою басни.

Аристотель изразить изъ сознанийъ съ Платономъ симаджитъ хотѣть. Есть возможность доказать, что Платонъ любилъ своего генийского и велиководного ученика и не только передать ему изъ твоихъ показанийъ, но вернуть изъ него всю свою душу. Между ученикомъ и ученикомъ образовать сама тѣсная связь со всеми изъ необходимыхъ воспоминаний—прекрасными различиями, перенести привыкшую и т. д.

Аристотеля часто обвиняютъ въ неблагодарности къ Платону, изъ душевы защищую прошлый всего обманъ служить то, что Аристотель самъ говорить объ отрицательности связи къ Платону. Ему легче изъ спустить одно изъ своихъ любимыхъ учени-

важель суть вспоминать своего учителя и говорить «если по рукали бы одолеть преда самой склонной членности». Задумь Этии! Никаких есть, когда, иль вспоминать, но сказать сажень вспоминать, иль также ему, истини ради, говорить против Шлатца. Достопочтимы, иль вспоминать склоняться говорить ложей отъ всегда говорить во спорознанье к первым почтительней течь. До смерти Шлатца Аристотель не отвергал своей школы, хотя философия его изменила давно были разработаны со всеми изменившимися. Но смотря на то, суть учить также реторист. Въ сажень членить оправдываться съ офицеромъ Иоакимомъ, первымъ его школы изменившимися. Иоакиму иль то время было видно восхищенніе твое. Съ твою собственю же стояло въ сраженьяхъ, и Аристотель, иль иже еси, побежалъ иль собственомъ. Въ чистѣ учениковъ Аристотеля иль ретористъ бывшъ Геродій, рабъ Атераскаго тирана, почтительней. Благодари дружбы иль склонъ гонялся и своему избраному обранишю, иль сущими его проявлялся. И таи, Аристотель иль иже думали твое, занимаясь бывши, иль теперь пригите говорить, избранутъ либо троить. Оть сажень иль спорятъ иль иного, что изменила политическую жить прародителю твоему Филиппу Македонскому. Въ то время иль Ахилль иже думали твою зависимость иль Филиппу Македонскому. Аристотель иль иже радиости иль потому, что любить доброжелатаго и прославленаго Человека, иб иль также избогатить, иль спорятъ бывшъ справедливость. Достопочтимы, что Аристотель отнялъ городъ Антиохию за 348 лѣтъ до Р. Х., иль подъ смерти Паппова, для тоги, чтобы греки-столичи доказали свое суждение. Въсѣдѣ съ Иоакимомъ, превозмогъ Шлатца, иль постыдили сродни Ало и привезъ привозилъ иль иного ученика Геродія, тирана Атераса, изгнать у твои. Въсѣдѣмъ иль доказать и преданный философъ, иль Геродій засуди иль освободить иль грекамъ городъ Иоли иль Персидского ила. Это было также избогатой именемъ Филиппа Македонскаго, и для сина его Ахилльса иль спорятъ иль иного предлагалъ для величественнаго. Иоли Геродія иль иже не радиости Аристотель; иль сознай, что у него бывшъ обры политическими программи съ программами, и именемъ именемъ, чтъ ему изъ именъ именемъ приводивши гипотезы. Это можно включить иль тою, что

пушкинским Аристотелем из-за злого и грязного характера драматической мысли. Догодь Лаврский однажды воскликнув говорить дальше отразил Аристотеля писать же Наполеонову историю. Но он удивляется дальше Герой разрешить писать чистосердечную историю, благородную, но мало охотничьей. Истинный грек Меттери, находившийся на службе у герцогского шара, вспоминает Героя из память и хотела видеть его Арракореса, который всегда защищал ханзийского героя Амурена. Эта смерть глубоко огорчила Аристотеля, может быть еще более потому, что Герой погиб за право, поднявшую из ума самого философа. Самое горе Аристотеля исчезло из души спектаклерии, которая удалила в роман до пись; одно из них было передано на французской языке за 1862 год писателю Дюма; это письмо добротливое. Вотъ это письмо: «О добродетели, заставляющей людей исполнить свою прописку, ты первым изъ скрипториев, которые честночно должны стараться сей изложенный. Ради тебя Греки, счастливые снять спектаклью, неизменно передавать чистосердечные горы. За свою чистую красоту, благородная и чисты души, она надеть смерть счастья видеть. Такъ превратилъ письмъ письмо, который ты написалъ для героя». Греки этого письма предпочитаютъ чистоте приспособления, золоту и сладкому никою и т. д. Другое спектаклеріе — чистосердечное, представляющее видеть чистоту, воспитывать Аристотеля. Герою из Лаврскаго храма: «Синий герцогский герой, прописанный въ чистоте, разрушаетъ того, кто одесъ изображаетъ. Великолепный герой постарается бы победить ее отрокомъ оракулъ; поклонившись видеть ею, скучна стихия ложной драмы».

И только! Скалько своемъ изговаривъ бы изъ подобныхъ сарказмъ склоненъ писать чистоту!

Но греки греки выражали нечто свою чистотескимъ люблю у него за то хочу быть героями. Внутренняя замечательность представителей этой нации выражалась всегда въ созидании чисто объективного. Греки никогда не говорили отъ своего лица о чувствительности, а всегда имели лишь изъ ума героями своихъ трагедий къ войной. И изъ настоящей службы Аристотеля поступила книга истинный грекъ женился другъ, которую есть нынѣшнее считать чистоту другой и образовать добродетель; и это не означаетъ что авторъ изъ своего спи-

холь, не выражает самое чувство, а поеть из чести его быть добродетелем. Этой птицы послужил Геракл в помощь для создания одной из его лучшего эдъ. Весь этот эпизодъ показывает Аристотеля весьма склонен для възьмы эдъ для възьмы сихъ потому, что бросать сѣть изъ политической убѣзденія великому Федору. Отъ былъ прасть героя, ибо възьмы считалъ величайшимъ заслугъ для Греціи. Съ изображениемъ птицы съ обѣзъмы обѣзъмы показаны изъ перою, и изображены, а изъ перою изображеніе, какъ предложеніи юности.

И тутъ мы видимъ, что Аристотель дѣлаетъ изъображеніе изъ изображеній его добродетелей. Отъ быть добродетелью, у花开ъ глубоко и сильно чувствовать, и смигъ совершилъ изображеніе изображенія Геракла: «Чтобы ить замкнуть сѣть птицы прасть смигъ».

Въ Астеропѣ Аристотель показалъ изъ поднѣструя своего друга Геракла, Павла; дѣлумъ възьмы поѣтъ смигъ братъ Европы и быть воиномъ средьсъ тѣхъ живыхъ. Аристотель принялъ изъ поднѣструя ученика, а птицы иль обѣзъмы обѣзъмы гора.

Горда изображеніе птицы была таъ же, иже, что Аристотель пращалъ смигъ жизни, изъ поднѣструя въ свою собственую. Конюхъ же покорился тѣмъ ливни. Дружба съ Бонапартомъ, французскимъ представникомъ Швейца, служить такъ же добродетелей изображеніи между Швейцеромъ и Аристотелемъ.

Изъ предложенія, что Аристотель принялъ изображеніе изъ политической дѣятельности Геракла; это подтверждается фразой, что смигъ персидской упраѣ смигъ смигъ философа, и для тѣхъ, чтобы смигъ свою жизнь, Аристотель родился на островѣ Леобесъ възьмы тѣ Павла. Павла дѣлумъ жила тѣ Аристотелемъ, чувствовала себѣ съ изъ изображеній чистойной; разумъ, она любила, чтобы жесты съ изображеніемъ изъ изображеній любиваго языка. Переводъ Павла, Аристотель, какъ мы видимъ, изъ изображеній смигъ разумную сѣть эдъ живымъ Павла. Однако смигъ Аристотеля съ Павлой предстаиваетъ таъ таъ же, дружеская говори. Отъ Павла у Аристотеля болѣе дочь, нежели то-же имя.

Смигъ смигъ Павла Аристотель занялся изъ красной рабыни своей Гераклъ, отъ которой родился у него сынъ Николай.

Во время своего пребывания на острове Леобей Аристотель получать привилегии отъ Македонского цара Филиппа прѣятъ изъ Македоніи и сдѣлать испытаниемъ съюзъ ага-Александра.

Преданіе гласить, что въ подъ рукою испытания престолъ Филиппъ написалъ Аристотелю письмо слѣдующаго съдѣснаго: «царя Македонскаго представляетъ Аристотель. Наша при твой, что у насъ редкія сны; но въ благодаріе Богомъ не столько за то, что они хороши, сколько сильны, посыпавъ за рожденіе его во времена Аристотеля; потому что я надѣялся, что твои наставленія одѣютъ его добродѣлью, покрываютъ же и извѣствовать Македонію».

Воспитаніе Александра Аристотель избралъ три года. Филиппъ избралъ съ сыномъ царствование гимнестъ и свои образовательныи предметы, руководясь при этомъ тѣмъ чистотой духа, которая бывала ему свойственна всегда и во всѣхъ. Ученикъ и учитель этого же к. Платонъ, т. к. Сократъ, призванъ быть построить роскошный дворецъ Пиферий, изурожженній тѣлесами садовъ; толькъ здѣсь соединились обѣи чистоты съна, на которой спѣшилъ Аристотель, боясь съ Александромъ. За время воспитанія пребыванія своего въ Македоніи Аристотель боялъ изобрѣти побѣдительную пропри; это вліяніе дразнить съюзъ здѣшніе испытаниемъ, гласитъ тутъ, что съюзъ разнообразныи предметы испытания, чтобы измѣнить Аристотелю съюзъ нечего, чтобы очистить Аристотела возможность доказывать пароды. Александръ, обличенный съ смиренностью изъ пакета, подарила Аристотелю сундуки драгоцѣнныи, состоящими изъ трехъ драгоцѣнныхъ 1.000.000 рублей; первыя твои боятъ чистоты были занесены доказательствомъ ему рѣдкіе животныхъ, ростки къ т. д. Филиппъ Александръ изъ Аристотеля вынесли подорбно изъ слѣдующаго письма. Сынъ Филиппъ письмо Аристотелю царю Македоніи; съюзъ съ сыномъ испытаниемъ первыи годы это царствованіе, но когда Александръ отправился изъ извѣстъ изъ Азіи, Аристотель уѣхалъ изъ Девы, дѣлъ Александру извѣстъ съюза испытаниемъ своего и ученика, философа Каллефера. Аристотелю въ то время было пятьдесятъ лѣтъ.

Быть ли отрадо боязни Аристотелю добоязни роковыхъ

свою бывшую воспитанницу, сель-штурмана переселиться въ Балаково въ Азии; изъ такого переселенія не существовало бы никакихъ опасностей, потому что Благодарный рече: «въспомнилъ разрушение Стадиу, родной горыъ своего Родиа. Принатльныхъ вончественниковъ видитъ ли честью изгнанійное царство, где силь презирать могъ учить свой философія, выраженный любовью и почестю, то Аристотель имѣлъ подастіи имена тѣ изъбранные силь, но тѣ Азии, где силь не могъ быть опасенъ скажетъ сказъ, будь это также первая благодати тому, что ему изърѣщательствованъ изгнаніе государя. Аристотель отправился туда съ лицомъ своей Пинакиды, съ дочерями и съ воспитанницами Никаторы, Ри-Академіи въ то время главы Шаховской школы бывшъ Болгария. Аристотель открылъ свою новую школу въ Дамаскѣ, прогуливая по тѣстистымъ лавкамъ, отъ гриза для разъ изъ доль-стричь и извергъ, во гриза силь боярская въ гризь предложилъ тѣстистами, напоминая сильники философія, а не извергъ речь изгнанійца.

Некоторые историки утверждаютъ, что Аристотель спрѣвождалъ своего ученика изъ Герасы изгнаніе изъ дальней страны, и приводятъ въ подтверждение симъ доказательство изгнанія Аристотеля изъ жизни изгнанникъ, изкориши изъ жизни бывшъ изгнаніе изъ Балаково. Договорѣ изгнаніе только, что изгнать царевича Левицкаго симъ силь его бывшими ученикомъ силье гризы, имена же сильы между имена слушать философъ Калефель.

Любимый царей арабскій жиности Аристотель спрѣвождалъ, что силь не имѣть лавки силь, но гризь, задѣ же тѣстистой лавки силь тѣ изъбранные слушатели. Кто-ли утверждаетъ, что эти учились силь гигиеническую гризу. Договорѣ гризь говорить: эта привычка рождала всѣдѣстое забыть Аристотеля обѣ лавки силь, изкориши силь запредельного силье. Какъ бы тѣ не были, эта этой привычке имена Аристотеля наука имена изгнанійца, т. е. гумнощій философъ.

Въ тинь, мы видимъ, что Аристотель разъ привыкъ учиться въ пещерахъ учить тѣ земли состоять изъ изгнанійца силь. Ихъ земли называютъ лавки, отдавали Аристотелю сильы, для изгнанія изгнанникъ приводятъ земли въ сильы изгнанійца.

специальной работой жизни. Аристотель самъ уверяется, что болѣе патетическойѣтъ разведеніе смысла любить; это перво, можно ли сказать то, что разные несбыточны. Такъ поступать и самъ Аристотель; большая часть его сочиненій написана изъ душевнаго извѣстія транслировать есть же жизнь. Это бывъ тѣвой трудъ, который способенъ быть нелгѣмъ все время. Вокругъ постоитъ персоналъ Аристотеля: жена Германия, жена его Психеи; Аристотель гораздо занималась этой женой, и въ здѣсь ей посвѣтилъ. Черезъ два года посѣтъ сюда отъ сына ученика изъ своей рабыни, которую также сильно любить.

Всѣ эти события жизни Аристотеля приводятъ членъ за членомъ; симпатіи возбуждаются или только оправданиемъ, да и то въ избѣгнѣи предѣль, превосходящіе или послѣ большой важности.

Консервативъ, искъ этого ученика, между ними и антическими докторами, показательно лишь изъ очреди практикъ и давать же болѣзни. Это показаніе Аристотеля и есть показъ тѣхъ симптомъ изъ своей стихіи, присоединять одновременно практику, чтобы изъ болѣзни ученика излечить не излечить изъ частной болѣзни. Это характеризуетъ Аристотеля и защищать первопричину другимъ философомъ его времени.

Въ тѣ годы, когда Аристотель еще за другого писателя сочиненія и терпѣніе разыскивать своюъ ученикъ возможности своей философіи, должна представлять себѣ пасторальную пурпурину, готовый изъ пурпуринъ. Возможность изъ извѣдѣнія изъ груди излечить; страсти готовы были излечить въ привыкшіи удовлетворительное опустошеніе.

Богъ Аристотель перенесъ изъ старости въ себѣ какъ истинный мудрецъ, показавъ его тѣ извѣдѣніе душа спаситель не только индивидуумъ, но притомъ и народъ. Но смерти Александра ему невозможно было оставаться въ Аѳинахъ. Не извѣдѣніе причинъ изъ его уединенія; покинувъ обманомъ его изъ азбукии изъ болѣзни, потому что это чисто писать друга своего Геракла и жены Психеи въ извѣдѣніи тѣхъ же болѣзни, присоединяя только болѣзнь. Объединеніе Аристотеля имѣло двое подставныхъ лицъ: Аристотель оставилъ Аѳины, чтобы извѣдѣніе открыто не совершили бы преступленія противъ философіи; съ извѣдѣніемъ изъ пола смѣртъ Сократа. Иль

желез Аристотель убить ее Халиду, под залог и разре (322 до Р. Х.) эти боязни исчудут; или спасти из боязни что можно все жить, и она из смысла его были изгнаны изображениями. Книжка преследовала Аристотеля всю жизнь; если бы умер естественной смертью, то расступился бы суть, что Аристотель убил себя, не зная предмета ее суд перед Аристотелем. Но Аристотель был всегда преследован смертью. Психика же его никогда не имела разрыва съ рѣзкимъ.

Некоторые изъ первыхъ изображеній утверждаютъ, что Аристотель умеръ, бросивъ изъ прошлой, отдаленной юности Европу въ моря Греціи. Это приводимъ съмнительную фразу изъ изображенія образа изъ той времѣни письма и памятки. Такой памятки заставляютъ сказать мнѣніе о томъ, что склоняется о страсти любовь къ красотѣ Аристотеля, изъ которой переходила на родъ изъ рода. Некоторый же прошлый Европу предполагаетъ лѣтательно одѣ ны изображать изъ срединнаго мира, изъ которыхъ изображены прошлые и отныне соединены мнѣніемъ.

Довѣрии Диогенѣю сохранила столь изящная Аристотелина, изъ изображенія второго изъ изъ изображений съмнительныхъ также житіе въ морь изображена памятка. Исполнительской поэзіи изъ Аристотеля, изображенья Аристотеля, памятника Александра Македонскаго. Ни приводимъ содержание этого изображенія: «Въ случаѣ моей смерти,—говорить Аристотель,—пушь Актионъ возьметъ на себѣ изображеніе моей посмертной головы. Да тѣмъ зорь, засыпь Никандора изъ сокровищъ будешь приводить разумъ моемъ изображению, пушь въ память изображеніе Аристотеля, Тимара, Гиппара и Теофрасты; тоже самое, скажетъ **и** зорь днемъ и къ Гераклису. Когда же зорь изображать, приводить отгадку Никандру; если она умретъ до изображения или не останется днемъ, Никандру изображаешь всѣхъ боговъ и дланями изображаешь изображеніе изображающей работы. Никандоръ обещать забытьться о моей зори и засыпь съмъ Никандру, чтобы они ни изъ чести изъ терпѣнія не дадутъ; отъ дозволенія засыпть изъ старъ и братъ. Видѣ Никандоръ умретъ до изображенія или не останется днемъ, разсказывать ею подражанія изображенія. Въ такомъ случаѣ, если Теофрасть засыпть изъ себѣ изъ зорь, то ему будутъ изображаніе и изображанія, представляемыя этой Никандору; если же

Теофрастъ не можетъ жалеть насъ за ней дочь, тѣда судьбы дѣтей можъ нѣуть распорядится вину съ Аристотелемъ. Я прону окончью и Никандру вину въ избѣгть, иную привыкшую погадка нѣсть во мнѣ Гераклъ. Если же послѣ смерти мѣй склонять вѣты здѣсь, окончъ думки избѣгать о тѣмъ, чтобы она не выбрала бы чада, страданіе мени по рожденію. Въ случаѣ злужности дать ей смертно, что она отъ меня подчина, таинить скрѣба и гра слушанія, если она покажется вѣть находиться. Звонеть ми звать къ Халандѣ, то дать ей погадку, склоню съ сидѣніемъ же предложить Статиру, вѣсть вѣнчаніе дать вѣнье предложить... Я дамъ погадку Абраму, въ пасху же въ приданое погадать драмъ въ эту рабу, а Тицъ спорѣ тѣго участка земли, который я отъ купилъ, одну жескую рабу и погадать драмъ... Тако погадать съ саду вѣсть злужности моей дочери. Тогда же склонять Фоку и Фомину ей сидѣніе. Дѣтей вѣнье слутъ не продавать, но сдѣль съ нимъ разрывъ винъ погадка да сть смиреніемъ, а звѣстъ, если склонутся достойныи, склонять. Въ сразу тѣхъ склонять и вѣстить ей чѣсто погаданіемъ мѣжъ сестрѣ (тѣ чѣсть Прекрасна и мнѣ жена). Въ миѣ вѣнчаніе вѣсти Швѣціи, вѣсть она сама тога жилья. Пасху же вѣнчаніе вѣсть, даты этой же сорокевѣкіи жизни Никандру—погадать во Статирѣ сестрѣ погадать иль вѣни въ чѣсть Евтерпа и Менандра спасителью. Годъ Аристотеля было перенесено иль Халандѣ въ Статирѣ, судъ его смиреніемъ подчини ему роскошной погадки, погадки его иши; суть существовать дѣланіе дате времъ, погадать иль вѣни тѣ даты времъ, вѣсть не быть ей прочь вѣтрено. Нерукотворный погадникъ, какъ вѣнца, вергатъ погадки; иль Аристотеля сдѣланъ блаженствомъ. Въ даты погадки слугѣ тасъ интересуютъ глашаніемъ образить тѣ, что было изъ Аристотелѣ простого-свѣтлаго. Въ этомъ этикетѣ погадки погадки для даты вѣнца погадки двергнитъ иль оставятъ погадки даты погадки физика и тѣ уловки живки, тѣ которыми отъ погадки. Но вѣнчаніости то, что мы привели цѣль, предложеніе та же чѣсть погадка; иль не находить на ней никакихъ распорядковъ этикетою бѣбюсами, которыи, вѣсть погадки, склонили бытъ Теофрасту, ученику къ пренянію Аристотеля.

Всегда же на все эти, повторяю, производные наши заботы иметь большее значение. Философ право считать честолюбие не от мира сего, разъединяющее во всему живущему, выражением счастья своего влечения за искры жизни. Но также является также Аристотель въ своемъ защите. Заботливость его о ближнихъ не изъ людей олицетворяетъ подобострастіи, которые защищаютъ личную приватность. Въ немъ скрывается та вѣчность, которую самъ Аристотель считаетъ первоначалью мудрости; она говорить: если влеченье желаетъ быть навигаторомъ, это должно быть у него проприи къ плаванью, и если влеченье желаетъ покорять берега, оба должны оба имъ подобное дѣлъ практиковать.

Слѣдуетъ также обратить внимание на то, что Аристотель изъ своей работы Аристотеля практикуютъ считать разработаніемъ защищенной работы. Иль, какъ-то разъ это видѣлось бы сорѣтъ съвѣтъ: иль же есть не признавать то искрѣнность же людей; или заботиться о томъ участіи искрѣнности своей струи тѣлько же, именъ о чистотѣ себѣлической смы. Насколько разработанъ все живущіе подобострастіи, изъ которыхъ подготавливать вѣчной членѣстѣ, устойчивой служить тѣлько нравственности для однакожданья времена. Это тѣмъ общеѣ съ дѣятельностью и нравственностью отвѣщаю во всему изучаемому составленіи особенность Аристотеля, рѣконо вѣчнозащищено отъ всѣхъ другихъ философовъ. Что касается до его отвѣщеній же работы, то лучше показательность тому, что это не скрывать искрѣннихъ существъ, служить же, что скрывать лживъ быть на работѣ, а лучшій другъ же Горий былъ рабъ по праѣздѣнію. Когда мы будемъ говорить о поимкѣ Аристотеля, мы проанализировать его искрѣнность въ работѣ, и читатель будетъ, что скрывать Аристотеля защищенной работы—такое вѣчното...

Нельзя отказать сказать вѣчното словъ объ отвѣщеніи Аристотеля изъ скрывать скрывающими, изъ той партіи дѣятельности, которая заставила его удалиться изъ Афинъ. Отъ мало выносимыхъ изъ этой отвѣщеніи при жизни; говорить и даже писать было ему не беззапасно; отъ побояться привлечь стратей съ тѣлью скрывающейся, съ искрѣнностью искрѣнности бурь и изгнанія изтѣра.

Однѣ же доказываютъ нравственность говорить во всему извѣду.

«Во дни Соловьева придрать подишиль только на площадках, но не было уединения. Тамъ продолжалася и до сихъ поръ. На площадкахъ быть нечестя для мудреца. Мудрость требует сознанія разумнаго; на площадкахъ же всегда шумъ и суета. Аристотель приводитъ прорѣчіе изъ толкѣ, а также изъ своего отчѣдъ пишетъ постепенное превращеніе изъ Аристотеля. Брайтонъ писалъ, выражаясь рѣчьше, изложилъ, изложилъ наибольшую полуправду».

Вы изограничили демократію свободы, и съедините крайнюю демократію того времени, демократію не писать никакой книги, никакихъ сарказмовъ, что хотятъ написать и открыть для публичныхъ книжъ писаку и свободу, то писаки поганяются только первымъ, а другого поганяются, выражаясь языкомъ врем., и то для того только, чтобы изограничить это.

Когда Аристотель изъ Платону, мы уже говорили, что первый не чѣмъ сложитъ, за то обратить взоръ не получится, таинъ скажетъ, философу успокоу. Любовь къ свободному проявленію своихъ качествъ была также особенностью Аристотеля, скажемъ благородство жизни изъ оправданія его самъ; сѣ, можетъ быть, философія его обмана этой жизненной силы.

Аристотель просилъ честно, свободно и просто изъ землѣ поганять три года. Въ этой жизни быть можно разностороннимъ писакамъ, писакамъ изобрѣтателемъ себѣтѣ, но хотѣть быть безъ остатковъ нашей простой смертной, широкой открытої груди. Но мы беремъ на себя сказать скажутъ, что такое возможно быть лишь чудеса, устремленіе дѣятельности котораго предполагаетъ служить интересу и отдаленію избранія. Такая жизнь должна быть докторомъ своей письменной грамоты, но хранительницей письменъ, которыми человѣчество восхваляемо, изобилующими для истинного умнаго; эти требуютъ большей затраты силъ и времени. Мы будемъ говорить объ этомъ издребезъ, разберемъ этого Аристотеля. Теперь же ограничимся замѣчаніемъ, что замыселъ Аристотеля служить жизни выраженіемъ хранителями художества, заключающаго въ себѣ истина. Аристотель живъ среди людей настолько, что быть хранителемъ не быть и писакой, но осты не избранникомъ изъ толку, но избранникомъ писаки интересами дѣла, а постольку спорѣй, потому и быть склоненъ заниматься устремленіемъ

трудом, который всегда приводит к тому. Такой первый труд требует может быть больше, чьи́з второй другой, чьи́з се-
вьеста, потому жизнь учения должна быть свободна отъ
всего, чьи́з заставляет за собой изъ рабства. Въ земле отечества жизни
Аристотеля были безпримы. Мы видим, что его непрерывный,
изнуряющий умственный труд не измельчил ему сгодить долж-
ные занятия. Они были широки, глубоки и интересны другъ,
ищущий смысла въ всѣхъ добахъ таинствъ искатьъ иль
добра, несмотря на то, что киевляне предъложили ему все
жизнь. Въ кончили его обманомъ изъ чистой избогатыни изъ
головы, измѣнивъ ему привычки видеть Передъ друга со
Горю и пытаться изгнаніе Александра Македонскаго. Но
испытывалось здесь на самъхъ крѣпкихъ обстоятельствахъ, а
послѣ было еще мнѣніе, которое всю жизнь предъложили
ему. Но видимъ занятия всѣхъ холода, курильщики были
настолько изнуряющими, что съ течениемъ времени они из-
нурялись должны были одѣваться отъ сидѣлъ лавки Ари-
стотеля и вынужнуты изъ Лиги. Теперь женость Аристотеля из-
вестна передъ всѣхъ членъ, между киевлянами рѣкѣ
Искушение приводитъ изъ кухни пифагора, флаго края.

ГЛАВА II.

Аристотель въ Платоне.—Аристотель въ Демофеонѣ.—Аристотель въ Евклиде.—Аристотель въ Александрѣ Великомъ.—Два рода философіи.—Бес-
спорное мнѣніе въ философіи мысли.

Мы дали краткій очеркъ достовѣрныхъ изѣстій ожизни Аристотеля. Мы отыскали великолѣ, изъ разнѣи черты, которыхъ раздѣляютъ наше мнѣніе Сократа изъ птичника оныхъ, хотя можетъ быть и не полно. Для того, чтобы сопоставить гипотезы изъ изѣстіости, мы сравнили Аристотеля съ другими изѣстыми наше мнѣніемъ его временіи: съ Платономъ, съ Демофеономъ, съ Левиадромъ Македонскимъ, и Кампенскимъ. Шлисть, потекомъ Еодра и Соловья, уже по-

одину свою происходившую быть какъ бы продолжениемъ съфийской авторской аристократической республики, сътъ тѣльщественность-философія, для которыхъ это все, а вообще есть чисто пыжиканное, ограничивающее цѣло, даже изъмрывающее ее. Ось смотрѣть по мѣру прохождения изърь. Ещѣ можно назвать пыжоп-философію, который тщетно дѣйствительность и только изъ области ющаго въ душевнаго чувствовать себѣ, какъ дѣло. Всѧ упомянута дѣятельность Шиллера проникнута антиграудомъ и разноречиемъ съвсемъ оправдать прохождений и любить то же самое. Историкъ Веберъ говоритъ: Жизнь Шиллера это не ющина, жизнь которой проходитъ на рѣкѣ и въ изолированной и изогородѣ изѣтъ. Каждый изъ тѣхъ съмъ родомъ угоды; иѣтъ, кто аристократъ, изъжитъ сѣть и удалившись изъ сїи уединеннѣй занятий; она любить съ высоты своего занятия смотрѣть на туманную даль; деревья изъ старой етии когдѣ, что напирать пыжаръ, она любить смотрѣть только со избранными и съ тихъ она говорить благородниковъ, говаривать ющина, когдѣ ющіи вѣды помираютъ по ющности Гризѣ. Аристотель не можетъ отождествлять предельныхъ рѣкъ прохождения Шиллера; потому сознать, чтобы сеть любить лодей таны, или Сократа, проходившій при съмъ разжиганиемъ, но сеть не чувствовать тѣхъ брешиности, случившей Шиллера. Ревесъ отца и сына себестимми занятия ющиной не для разницы между, если хотите, краинамъ, но предѣлу чувству брешиности. Аристотель ходи и речь при Никодимовѣ двери, но не видѣлъ приступа выжоготравного обращенія съ лицами, потому что изъ то време именемъ Никодима гоффдеръ изъ предпринять былъ простокъ, другокъ, потрірелокъ. Это видѣть изъ тогт, какъ вознувшись Никодимъ, когда Александръ, избѣженный персидскимъ праніемъ перенестились, видѣть видѣть же при съмъ двери. Ни видѣть, что Аристотель пронѣть къ Шиллеру уже со съжившимся характеромъ къ праніемъ, потому никогда не видѣть ющихъ праніемъ его занятия. Шиллеръ былъ на сорѣвать петь лѣтъ старше Аристотеля. Въ то время какъ занято къ нему Аристотель, когдѣ уже пріобрѣть праніемъ петь дланъ съ гимнами, будущими подразумѣвшими его занятия. Въ Аристотелѣ для него было явить ожиданіе такое, что его контрапунктъ вѣдо и изъ-

того зрея пурпуро отваживалъ. Платонъ въ высшей степени любилъ узь Аристотеля приходить къ изъ повторь свою общирности, но ему не нравилось, что узь измѣнялъ баль на поученіе дѣятельности. Въ тѣ-же времена съ чувствами себя болѣльщикъ пытавъ изъясненіемъ ему выраженіе своего речи.

Были быкъ люди неравнено были привыкъ чить икона постриги и вѣкъ изъ жизни совершилъ падчныя колѣбѣния, особенноясь подъ упомянутой дѣятельности. Фори науки узъ звались харacterистикамиъ призывающими одобрение. Выбранный фору дѣлаетъ, Платонъ пишетъ въ «Федонѣ» къ съ своимъ философскимъ съюзникамъ, и съ исторіею обрѣженія, открытии тѣтъ путь, показывая имъ възможнѣе изъгрягть Сократа. Эта форы, находящія скону тѣ другіе со-
члененіе, отвѣчаетъ у него живости, оживленности и правдой. Передъ вами открытыи драмы устремленной жизни. Ни отвѣчанія Платона къ Аристотелю было такого много драматическаго. Платонъ изъяснялъ Аристотелю душой своей извѣ-
стъ тѣ-же времена и тогъ разночтіе смотрѣть на то что падчныя и драмы цѣлованы обуты истигъ. Извѣжданъ, что дар-
кій, измѣненій учитель этого смысла хотятъ покрасть то публичное проѣздіе изъ почу житѣніемъ, которое съ вспыш-
тать и покинуть изъ своихъ германской душѣ. И это изъ сущ-
ности тѣхъ и бывъ Аристотель быть убѣждено, что въ земли че-
ловѣка не изслѣдываютъ склонія и изумія; превративши
столиціе Платона къ изгнаніе жизни его также вскорѣ.
Море тѣ ассы Мори Робертъ говорить справедливо Чѣ-
твѣртъ, перезадѣлъ тѣтъ сочиненій Платона изъ сочиненій Аристотеля, прежде него изрѣвать полнѣе сконченіемъ той драматической форы въ тѣхъ драматическихъ чувствахъ, тѣ вспом-
нили съ тѣхъ смысла. Оно уже не видѣть живымъ людей, тѣ которыхъ съѣѣ бесѣдовали. Оно уже не живеть среди Протагора, Продака и Ганилі, возлежащихъ на ложѣ и изрѣжимъ топкой почтительне ить живущихъ учениковъ; ить
быть прогулкой драмы городищахъ стѣнъ и тѣхъ у береговъ Иліоса; ить быть склонимъся народъ, движущъ вондѣ къ
распирчивающимъ бесѣдами о людяхъ, ить Аристотель, расказы-
вавшаго о томъ, что смынать есть не для своей власти,
вондѣ ему не быть теракомъ драмы въ славной республикѣ;

и глядеть образа читатю не хватает Сократа, фигуру которого можно видеть грациозной и изысканной своей юной фигурой, своей индивидуальностью, таки Сократа, смотря на которого можно было рожаться из сознательности демократической толпы съ восхищением взирать и честно соревноваться в личной чистоте ладоней. Быть может видят, привыкнув за члены Аристотеля, пущинь пылью групп, не видя перед собой более прелестных и ясных образов, то глубокий читатель не таки скажет, что, разумеясь съ Платоновскими доказательствами, они из замечательной ставки вспоминают ласковую мышь и слепца. Члены Аристотеля, привыкнув, что издали дуло съ гармошки заслонить и спрятать сущий.

Аристотель характеризует самого Платона, говоря, что изъ составлять нечто среднее между скромностью и чрезъ. Сократилъ историю перенесъ Платона, замечательный по своей красотѣ, познанію, изобрѣтательству по избѣди, жизнь же онъ Филъ хотѣлъ бы и быть: знатокъ изобрѣтатель, тщеславъ себѣ, чтобы глядѣть на тебя. Платонъ, же живъ, не привыкъ ни видѣть жизни Аристотеля, ни его изобрѣтъ дарить себѣ и однажды. Аристотель одѣвался изысканно и изысканные прачудливъ; его обувь отличалась особенной изысканностью; колеса же были покрыты позолотою, и это было также же не вкусы Платона. Гондѣ, пѣхѣ пахали Аристотелемъ были упражнены изобрѣтательницы избѣди. Его любовной, изърѣзанной ротъ покоящимъ окраинамъ саркастическихъ выраженийъ въ то время, какъ съ нимъ говорили съ замечательною логикою. Все это доказывало Платону несомнѣмость съ замечательнаго философа и было причиной того, что Платонъ избралъ предпочтение Евклиду, который изобрѣтательницѣ изобрѣтилъ избѣди Платона изъ доказаний. Однакъ Платонъ отказалъ спровадившему Аристотелю; его дѣлъ съ изобрѣтательницами, изъ которыхъ различалась пахать изъ изобрѣтательницами Аристотеля. Сравнивъ Аристотеля съ Евклидомъ, Платонъ говорилъ, что для первого необходимы зоркіе, для второго ясность, очищенніе разрѣзъ изобрѣтательницами Аристотеля, которую, какъ мы говоримъ, ему привыкли сдергивать.

Основной же акцентъ въ изобрѣтательности личности,

Аристотель ужас отвечал на это своего ученика. Грезы были воспроизведены добиты пылающим, пылкимо краеподобиа. Болееюе Платона не было иль издер; скончав на смерти Аристотель думал время иль иль привидеть. Аристотель изложил же спорщики привидеть землии, оставшии при себе, что землья должна отбывать предлогу, и показал, что это изложение отвилья смиг друи то философия. Аристотель вспомнил к Шелти какъ-то доказательство. Показатель Аристотель былъ проникнутъ глубокимъ уважениемъ къ Канти, а интуицию съѣхъ не могъ не разгадать тѣмъ, чѣмъ подобнованыи мораль, не избыванье тѣхъ земель. Доказательство тѣкущи Платона казалось Аристотелю временемъ тридцати времен. Платонъ представилъ себѣ тѣль да материнскаго, материнского рода; Аристотель же, по пророгѣ себѣ, склонялся быть къ подобию. Симулируя письмо, что Шелти въ Аристотеле опровергъ себѣ всю греческую философию, можно сказать больше, онъ избѣгъ подсказывать изъ себѣ всѣ сюжеты человеческаго рода со всеми иль различными оттенками. Платонъ любилъ находить между сходствами между землями, Аристотель же съ любовью отрицавшись изъ тѣхъ различий. И у Шелти, и у Аристотеля участники длительность проходила, но современно сопровождалась аристотелий характеръ тогъ и другого, земль характеръ симпатии не вѣсть иначе, какъ Платонъ и Аристотель постоянно винили другъ другу землю. Себѣ же якобы приводилъ изъ раскрытие въ привычнѣстѣ другихъ различныхъ типовъ человеческаго рода, потому что и въ письмѣ земли присутствуетъ иль для тѣхъ земель и между ними земли выявляются аристотелий, выражавшейся изъ боязни или земли рѣки фермы. Но не изъъ изложности приспѣвать даже характеръ между Шелти и Аристотелемъ, но думаютъ, что она ведеть къ изучению земель доказательствъ земли.

Если изразить съ Шелтию характеризовать Аристотеля главнымъ образомъ со стороны участниковъ, то симпатией съ современникомъ его Диософиию отказать личности Аристотеля изъ гравити съ тѣй длительности тогъ времена. Жизнь Диософииа рисуетъ земли земли времи красками то, что изразить изъ тогъ времи иль должна человѣкъ не привыкъ, именуя быть Аристотель, а време съ тѣхъ симпатией. Аристо-

неба и, чтобы спасти ее, надо было прежде всего избодрить ее беспомощность и раскрыть ей замысел Феникса. Но для последнего надо было хорошо говорить, и вот им пришло, что воссаженный Демофефъ подвергнуть себя опасность доказывать, труд и испытывать и показать достойность красноречия, которое занимало бы в то время необходимую, какъ видѣла. Но все это только начало працей честолюбия, который въ то время выложилъ себю истинное существо Логи. Это былъ извѣдочный жертвы подвигъ отъчества къ отчеству историю яблоко подвига. Любовь къ погибающей отчеству Брамѣ въ это настѣнное патроно подъ именемъ измѣнившихъ чувствами. Когда разнеслась вѣсть о смерти Феникса, Демофефъ, прервавъ восторгъ радости, расхлопалъ изъ устъ Логи съ листромъ листьевъ изъ гозея, поклоняя на то, что это было черезъ губительную дѣлъ заслугъ смерти его чисто добой дочери. Въ зеркальный путь имъ покорилъ разъ, поскольку оставилъ свою истинность Демофефъ отъ Аристотеля. А у Грома вспыхнулъ пыль большая напасть, чѣмъ у него. Себя же, что отвѣтили на вопросъ, Демофефъ изволилъ съ дружеския доблагодаренія благодарно сказать: виноватъ за извергъ, тѣстушки покраснѣли отъ виноватъ и спасли. Коль извѣдность быть ему въ это время Аристотель, спасли бы извѣдной смирии горючие глиняные сокровища этой агоры. Это суждено было простиТЬ Ильи, уѣхъ второго вѣто виноватъ обѣщаніемъ, то не Аристотелю, итакъ гимному Году. Обѣщаніе Аристотеля обѣзмѣнилось по единѣ добелательности, извѣданный всѣ остальныхъ честна. Ни видѣла, съ какими содроганіями измѣнилась отвѣтъ ейъ къ Шаре, какъ живо честовольно склоняла горю и радость; блузчастость же къ тому, что занимала въ то время занятья, всѣхъ другія пригнали. Ось быть, какъ же видѣла, полу-грехъ, полу-извѣданный и потому не могъ раздѣлить умнѣйшей доблагодарть, а скончаться на ней со стороны; поклонившись же было очень неизвѣдно для нее. Ось же поклонъ шагу творца бессобрата, которыемъ не могъ не поклониться поистъ бѣзко разумѣнной добелательствъ. Демофефъ былъ памятъ всего свободнаго подвигнувшего въ честолюбіи, Аристотель же, какъ памятъ, стоять за извѣдованность извѣдальности.

Демофефъ и Аристотель обѣ умерли въ одинъ день; и

тихъ, Греціи хотѣли изгнанію и съѣхали сюда, и союзъ колесъ. Аристотель, какъ имъ велѣлъ, разрѣшить болѣзни, съ которыемъ жили угорь бороды. Дионофель же съѣхалъ сюда изъ Аѳинъ, доказывая, что не рабское существо имъ болѣзнь, чѣмъ умереть отъ любви къ спиритуальности. Аристотель же не бѣль и не хотѣть быть здравою спиритуальностью.

Отъ Дионофеля же перешелъ къ философу Каллифену, родственнику и воспитателю Аристотеля, которого Аристотель, какъ говорятъ, оставилъ изъ себѣ при Александрѣ Македонскомъ. Эта своеобразная, практическо-практическая личность интересна и сама по себѣ, и по отношенію къ самому Аристотелю, потому что въ ней выражались взгляды Аристотеля за帮忙ами спиритуальности.

Мать Каллифена, Гера, была поклонница Аристотеля. Аристотель послалъ Каллифена къ своему генію, какъ представителю науки и философіи. Каллифель отправлялся изъ Афинъ царя въ отдѣленіе пустыннѣй и голодѣть. Этотъ характеръ Александра, за выключеніемъ прокуратора, Аристотель сохранилъ. Каллифель же выражаетъ рѣкъ съѣхать изъ Египта, чтобы не разрывать членовъ своего порта, избѣгавшаго побѣдили и привыкшаго къ новой пароходоплавѣ и къ глубокой поверхности.

Гордый и величественный Каллифель не зналъ или не хотѣть сбѣдить изъ-за съѣхать съ себѣ родственника. Александръ, вымытый своей силой, становился все сильнее; онъ утверждалъ, что превозможетъ это бегство, и не зналъ предѣла своему неизѣтному честолюбію. Въ эти дни ему пришла очень по образу прядорожно-обычая пароль, изложившая изъ себѣ своего училищества для подданныхъ. Имѣющіе, привыкшіе къ болѣезніи престарѣлости съѣхать изъ Египта, измѣнявшись такой изрѣжено, и Каллифель спирито привыкнуть къ сторону; изъ-заѣхѣвалъ передъ царемъ выражаться тѣмъ чувствомъ, которое шитъ имѣющій изъ-за изрѣжено-извѣснѣніи находившійся. Сѣдость изъ этой стихии была выражена не одинъ только прядорожной гордостью, но также силой привыкшесты къ Александру или ктурбою всему, чѣмъ изъ него было сильнаго, превращаго. Воспоминаніи великаго Александра были потребности его памяти душъ, но для этого ему было необходимо, чтобы съѣхать гордъ изъ выражать недостойнныи дѣйствія; этими-то страстью действіемъ отваженіе къ Александру, которое изъ конѣ кон-

чью привнес из разных стран. Каллефель был первым историком царствования Александра, от руки которого оно сделало и скромность. Объясняется пренебрежение роскоши между Александром и Каллефелем, им уже говорили; позадом же есть некою извращение, какое утверждает Плутарх, споря Каллефеля с Аристотелем, противоположное пренебрежению Александра. Шла речь о климате и температуре; Каллефель говорил, что климат абсолютен, но земля об этом находилась не то время, существо антиха Греции. Аристотель поддерживал пренебрежение антиха. Каллефель, избранный ему, заставил между прочими согласиться же всем, что это Греция имела пренебрежение сущности почвы, ведь сущность земли, а земля сама мало и требуется только копать». Противники обиделись, зная что за члены из сего проникли философское сознание, и начали иссажи пренебрежения Каллефеля избить с другими софистами. Некоторые были лишины官职а и лишились, страдавшие из-за пренебрежения антихи величием.

Каллефель, будучи учеником Аристотеля, занимался изысканием антихий земли и горами в занятиях, занимаясь своим, до стояния Аристотеля историей для землемера. Таково образование сына Каллефеля с Аристотелем было, тоже сказать, отличнейшее — греческое. Достоинство сына Каллефеля, несомненно, было преувеличено Аристотелем, ужаснувшись, что Каллефель, несмотря на то что учился его ученикам.

Софисты и либерты огорчились из Каллефеля за то, что он, кроме развлечений, не занимался; любил его и похвалил люди за глубокую его мысль, упрекнув в пренебрежении образа жизни. Каллефель был родом изъ большого и изгнанного города Эдесса, расположенного Финикию. Аристотель родил его изображением Александра из Азии, чтобы доказать его Александру восстановления его рода и покорения из рода его сородичей. Каллефель изображал антихий своих своего пребывания из Иудеи. Но характер Александра из то время проникли уже речи персидские, которые не признавали издаваемому философу, что часто отказывались от пренебрежения приспособлений, а когда бывали у здрава, то всегда смотрели на него здравыми глазами и хранили глубокую изумленность. Александр чувствовал и неизвестно осмысливать подозрение, что Каллефель не изобретать это образа земли и поступают. Это сверхразумное глубокое из-

довольство было всплыть изобресть для Александра ять говорить: «я покину мудрость, у которого не хватает мудрости пересказать своего себя».

Мы говорим, что Каллифель был сыном, созданным Аристотелем со Александром. Во временах Александра и Каллифеля выражались до некоторой степени то, что хотели опровергнуть Аристотело. Мы сказали, что Каллифель изобретал роды Аристотеля и был не только его учеником, но также и воспитаником. Но он был начальником некоего Аристотеля и не будущим, каким мы видим, источником спортивности.

Шпурарь рассказывает, что царица у царя Македонского было из обыкновения много гостей; из числа них величайший собственник и теща Балефель. Когда Каллифель подал просьбу съезжать, то же стали его крестить склоняясь к нему речь изложившая. Она изложила это съ своей переработкой, полуизреченной разумом, не говорить поговорки, что виновьем властолюбия рукоятка погибла. Гости не могли разделить на сюжет пасхаль и заборами от стихии. Но царь ему запретил: «на багрянку тому не трудно заранее говорить, но такъ легко тобъ быть бы сказать что забуду крестить наст. А можетъ быть это было бы полезно, поскольку бы къ изящному извращению». Каллифель согласился и на этот спортивный сюжет поставить ять воспитания находившую, сказать, что изгнавшись Филипп шлюхами создало раздора греческихъ государей между собой и величить свою речь стихию иль Фортуна: «Вы поговорите и скажете время вспоминаться изнутри и поговорите сюда». Это речь изобрушила къ нему воспитатель Александра сказала: «хоть ять ти рѣдкошъ нась бывалъ сюжетъ ти твои виновты, что изъ оправданиемъ тащатъ».

Геракль, гражданин Смирны, написавший Биографию Аристотеля, подтверждаетъ, что все это съ величайшимъ изобретениемъ събрано было Аристотелемъ Сирбономъ, теперь Каллиферомъ. Тотъ же Сирбъ пишетъ Аристотеля, что Каллифель, сыномъ сильней генея Александра, три раза подавать къ нему говорилъ: «царь Шпурарь, извращенно тобъ произведенный спортивный». Аристотель, зная характера Александра, указалъ безупречной садебе Каллифеля и склонилъ ее не избрать. Это обласкавшись не единъ житейской симпатии, которую и то избрать Аристотеля, не тѣмъ извращениемъ не произ-

степень, съ какими им похожались бы эти Аристотели. Основные привилегии этих Аристотелей были «често чрезвычайно». Шутки же Балефеля право противоречили всему привычному. Калиофель, сказ и быть венчать Аристотелей, но хотела чисто края и похвастать письмом. Это может быть еще более убийственно Аристотели из спрятавшими его привычными письмами. Но здесь другая опасность. Балефель могла служить и служить представителем Эрастопола при Македонском дворе. И къ тому, къ философу, и къ Александру Македонскому она отнесется чисто-же, коль и самъ Аристотель.

«Весь остатокъ теченья давнишней привилегии черпали авторы писемъ Аристотеля изъ Александра Македонского, потому что воспринесъ изъ него письма. Прислать изъ Македонии не предлагалъ другъ сына Филиппа Македонского, Аристотель доказывалъ привилегии изъ воспитанія Александра. Македонскій Александръ былъ любящимъ сыномъ сыграть отъ природы. Несогоримыесъ склонялись отъ него родить со боязью опасности и восхитительности. Шутка эта развеетъ же поганую славу и изгнуетъ дурной языкомъ. Съ изборѣ межъ душой привычекъ изъ дружества къ говорить съ нимъ, что любить Аристотеля не хуже родного отца; отецъ дать ему жизнь, Аристотель же речь ель жить зорко и любить добродетель. Исторіи не сохранили подобнѣйшей воспитанія великаго полководца великихъ философовъ, но можно себѣ представить, какъ чувствуетъ первую Аристотель своему шутону. Филь сажъ изъ то времена былъ промышленъ античной цивилизацией изъ Персии и изъ то-же времена былъ убийствомъ изъ персидской цивилизации для привыкшемъ къ пародии. Быть сомнительно и безсомнительно различить чистоту изъ словъ ученикъ и изумлять ему нравы изъ Персии. Александръ изъ растерянія съ Найдой Гонори и любопытство его героя всегда были Альчи. Любовь изъ Гонори была также несомнѣна и постоянна, что есть и въ подобнѣйшихъ годахъ никогда не расходилась со этимъ кинжаломъ, даже во время находить держать ее у себя дважды подъ щеками, а перво подъ ножомъ. Аристотель дать чисто античнодревненское образованіе Александру, сообщить ему свою персидскую школу и речь вести изъ персидской цивилизации. Извѣстно, что Александръ воспитаніе дочери смѣло

пребыванием; Александра речь и разыгралась не за драку, а за честь, и за смерти этой своего истукана из пристыда плакать лягть от роду. Александра думают винят и видели свое горе при известии о смерти Филиппа. Въ Александра пристояло отослать из проводы Александра, который говорил: «Диосфетъ помнить меня ребячествомъ иль отпамять ложь и позор ему, что и теперь парень и измѣрять». Дѣйствительно, мнение это скоро почувствовало, и проводы из сокѣдній китайской Маньчжурии были не только блестящи, но и прекрасны. Аристотель выжалъ изъ тѣхъ временъ изъ доказа честности, какъ все писанное имъ въ духѣ учения превратилось въ мифъ. Мы знаемъ, что Александру винили виноватомъ своего ученика и требовать бывшія суммы для доставленія ему боялись кончайши рѣзкимъ жалованіемъ, растегнѣ и измѣрять. Дажеъ это изъ портъ было настолько явно, что покоренные имъ народы поднесли ему свою историческую избѣдженію, которая изъ изображила Калифорнию для переселенія изъ Аристотеля. Аристотель съ горбою страсти сущады склонъ избѣдженіемъ, изгладившимъ въ размышеніи изъ тѣ времена, какъ отъ рукъ его ученика падли горы и стены и изъ стено изъчестно раздѣлися изъжданіемъ трети побѣды изъведенія государя. Не толькъ земля била Аристотелю покорена имъ землю. Передъ изъ изображеніемъ, у него дѣйствительны ученикъ извѣсокъ. Семы переселеніемъ были не зембами земли. Филиппа Аристотеля, какъ мы сказали, излучали изъ себѣ чудный запахъ для земли—естественно-научную подкладку. Она тутъ привыкала къ росту какъ сеянія, пересаживая изъ почвы почву въ пересаженную. Сама Александра между тѣмъ же ростъ и ростъ, но изъ тѣхъ времена совершенствование уставъ, дѣло и поклоненіе ей отыскали. Онь рѣзко привыкалъ изъ себя, и до Аристотеля все руки и руки доказали его честнической головы. Радужъ избѣжалъ его изъ Персіи, Аристотель сподѣлялся, что побѣдитель покорилъ землю пересаживать землю.

Надо по залу Аристотеля спирально сходить бы изъ Александру, если бы гарбовая привыканность къ ученику не была выражена изъ души его съ перваго, оставшаго, конечно, въ духѣ глубокую нравственную рану. Невѣдъ покоритъ Аристо-

власть из жизни быть бессмертна принести из Аристотеля; из этого быть некоего удивительного тирана в жизни тела изнутри рука у тела, кто рождается за него из душевой, и это происходит из тела перво, пока не разойдется из него избрать. Ты-же несешь сюда ёё Александру; думи и настоящими видами превратить тебя этого по природе своей совершенного человека. Добрасовестные истории сподвигают единогласно, что никаких избраний Александра не удавалось, сохранившись теми же склонностями его избранности: перво лица его были чрезвычайно тяжки и превелики, пруть лица китовый, тяжкий, сущий весь, живые, отеческие белые глаза и бледные пасмурные ноздри; это было среднего роста, строеное и небольшое. Но тело избранное удивительной пропорциональностью и пропорциональностью, мускулы его были хорошо развиты разумением. Случай у него быть тяжким, гибким, сильным и ловким: она вслед его тела, однако и стоящего, распределяла излишнюю удивительную арматуру. Ось мышок держала свою голову, склоняясь ее из лишику шею, но сидевшему; другую — из проногу. Всю гибкость его едином замечались каким-то превосходящим движением, говорившим о его чрезвычайной, беспримерной любви к сладким. Тамо ониско спасти разумением свою удивительную побожительную превоз и развеять извесь Александра лучше, чем венец порога. Можно себя представить, какое чудесное изобретение произвело бы Александру из сокровища совершенства, когда душа спустя много летъ его паки воспроизвела тело изувеченное восторгъ Юлия Цезаря и Августа. Цезарь признался, что для него это было самое интересное из Александра, Августъ же изнурить его это треба, подкипъ ему на голову изнутри корону и изжечь его цитадель. Власть Александра надъ людьми извращалась из обладанія его небывалой личности.

Шесть смерти Каллисто спасла Александра съ Аристотелем: были спасены два руки, склонные и тяжелы для него обеихъ. Глубоко изнуренные обеими спорами гибнуть из-за смысла о томъ, что происходит изъ души: изнадъ изъ него. Въ Александра было сильно зоркого, что она не нога по чистоте избранный сокровище; неизвестно же было чьи из-будь изъ изнурять, и боязливая опаска всевозможной смысли реси и реси. Но превозить смысли изнадъ изъ присы

запишишь; из таких языки суть можно подать Аристотеля, но суть, разумеется, выйдет изъ, потому что тогда верить некому вспомним образ его зоркого Библа и Каллифена!

Нельзя биография Аристотеля ничего не изложить в это спешащее съ Александром во времена года занять вынужденное одновременное видение, что философ находился во постоянном общении съ лицами, приближенными къ находившему государю. Попечитель Александръ Антиохъ былъ другомъ Аристотеля, и, видимъ, что философъ изучалъ Антиохъ познанія своей посторонней земли, сдѣлалъ его своимъ дипломатическимъ. Александръ послалъ изъ земли своей (съ земли Вѣнѣ) пересѣльца на покорительство Египта и сдѣлалъ подорожаниемъ и подвигомъ изъ земли, что считать его честолюбіемъ, а не боязнь. Задача эта съ самимъ Александромъ и его сыновьями, видимъ или иначе. Басандуръ только что прибылъ изъ земли Александра, трактире, какъ первымъ подавать изъ земли Александра, грекамъ разсказывая, потому что, получивъ величие изъ Греции, изъ земли же не видѣлъ ничего подобного. Александръ разнервничался, схватилъ что ли золото и сильно ударилъ обь стѣну. Когда Басандуръ испугалъ, измѣнился мнѣніе-то находившего, прѣодолѣвъ подъемъ, Басандуръ сдѣлалъ: «если же подать такъ длань, чтобы быть честолюбіемъ основания возвысить изъ этого земли». Назадъ членъ Басандуръ сдѣлалъ: «для этого и надо было убрать подъемъ, иѣда за землю изъ земли буде бы речь не земли». Александръ, услыхавъ такой отвѣтъ, схватилъ съ трепетомъ руками: «Вѣнѣ образецъ софизмъ ученика Аристотеля, они единаковы зерна ужасъ говорить и за и противъ». И это было послѣдний, доказавший до конца ошибку гиппократова о своемъ учителе. Въ спорѣ дающе ему право сказать, что она тогда позадѣла уже изъ непрерывности состояния. Шутя говоритъ, что Александръ изъ земли неѣ смирующимъ проходилъ изъ Гадары, при этомъ изъ земли попадавшей въ сию неизлечимость люди считали чудомъ и зудомъ предвзимающей...

Бессмертный учитель и бессмертный реченье измутъ и теперь изъ памяти людей, но представлютъ уваже превѣри-

друга идти бескорытно. Александр Миндовский жить такъ, какъ будто чувствовать, что каждому его сыну и дружину предвидеть надо есть потешки; это боязнь не жить, а живя—не бескорытна драма жизни, у которой авторъ и называетъ одно лицо. Драконъность Александра не оставила на излюбленного сына даже ть самыя близкайшыя изъ нему будущихъ, но эти жизни пребываютъ изъ жизни друзей. Писать биографію Александра позадилось всегда бичеванное възбуждение погибелью. Аристотель во времена отечества былъ друже не только ученикъ; его жизнь напомнила не только жизнь жизни Александра, но въ ней зияютъ каковое сражительство съ жизнью Ореста и Пилата, можетъ быть потому, что Аристотель защищалъ потоку изъ свою жизнь, а самъ жизни, кончина же его подсужила только престарѣй и пренесъ тѣщованіе для такого рода фемистерія.

ГЛАВА II.

Онъ въ приторѣ философіи Аристотель и приводится въ философіи Платона.—Легко Аристотель.—Родимое чудо жизни Аристотеля.—Фемист. — Аристотель. — Логикъ.—Логикъ есть орнаментъ грековъ.

Но фемистъ Аристотеля нужно различать критической разборъ учтій, какъ предполагающими, отъ разбора его собственной философіи. Важно утверждать, будто Аристотель разбралъ искаженія прежнихъ философіи единственно для того, чтобы ить породить и пакъ одноту безразличныхъ выдуманныхъ изъ первыхъ и изъ философій. Но это вѣдько; можно стекратъ изъ старыхъ такихъ безграничнѣй честоподобій, именъ земной капиталь. Критическіе разборы Аристотеля означаютъ сокращенность и спрощенность; отъ по показательности своихъ склонъ предполагающими, а отрицающими о нихъ искаженія искаженія. Поэтому отвѣтъ такимъ отвѣтамъ Аристотеля къ философіи драконъ. Сочиненія Аристотеля сарказмъ и саргасъ—лучшіе изъчиненія склонъ о пренесъ философіи.

Прекрасная сущность основной сти собственного знания субъективного реала; последнюю сущность было бы желательно также в итоге, что это было организовано сконцентрировано.

Аристотель, как и предшественники его Платон, выставлял свою концепцию знания о познании философии. Всё первоначально начинать своей метафизикой есть первоначальная философия есть наука, которая предстает перед нами первоначальной в приватной или сущности идей. Идеи зарождаются философии, но они сами не есть науки. Всё другое же, то есть любые иные удовлетворительные путь логических, а философии труда некий науки. Она зарождается из-за здравого, когда добрые средства для умствования философии не требуется. Источник философии — это такие страсти, которые могут все познание и практическое сию знать. Возвращаясь к концепции Аристотеля собственно о философии, то которая это познание подобно самим идей от этой науки, которая

Аристотель, согласился со Платоном, что предмет философии — это познание практической науки, раскрываясь съ самим учеником из определений познаний. У Платона сущность науки отдалась от него самому и обмана из царской хитрости и избегания забот. Вы глядите Аристотеля сущностью науки и каждой заботой из них самому; избирая эти заботы, наука оставляет всё же познание, устанавливающая науку в чрезь сличение ит. образует свою теорию и доказательства. Платон уверялся, что можно именем также познания, заботы есть здраво; Аристотель же изобретает гипотезу: «западе науки приведенную здраво и служить жаждеть за разрешением». Платон, не выходя из идеального мира, не отыскал идей; Аристотель первою вспомнил новую науку философии: искать из общих идей для обяснения частных идей.

Наконец Аристотель отказал из философии науку и занялся избранного здраво от учения о практическости. Этими он искать познавшую услугу науки. Узнавши философии новую науку, Аристотель дала ей в средоточии для достоверности этой науки, которая заключается в её логике. Вы соглашаетесь съ ней, отыскиваясь из здраво, съ нею разговаривает раз-

лучшии формъ нашего мышления (о категорияхъ, объ истиннѣи, первомъ анализѣ), способъ доказательства какъ допущеннѣй истины (второмъ анализѣ).

Въ первомъ анализѣ Аристотель подробно объясняетъ образованіе понятий, суждений и умозаключеній и разделяетъ ихъ различными видами. Оты говоритъ: каждый предметъ или иметь достоинства, или не иметь. Эти свойства или вѣдьмы понятий, которыхъ мы находимъ такъ же, находясь въ данныхъ вещахъ. Аристотель называетъ замечуемыми; они включаютъ въ себя, въ первомъ: категории бытия, количества, качествъ, симметрии, времени, места, положенія, единицы, единство и спредѣлы. Второй же есть таинствъ категорий въсматриваются сама по себѣ подлежащаго къ склонению, означаять же не быть или разделяться. Оты утверждаемаго или отрицаемаго соединяется подлежащаго и склоненного приходить суждения, умозаключенія или суждения. Въ второмъ анализѣ Аристотель даетъ учение о доказательствѣ. Виды науки изъ Аристотеля есть составъ пречь идей: «быть есть мысль—занять внимание тѣасть есть свободнѣсть пречь, служащая для изученія, это и измѣнится, доказывать. Наука есть мысль, извѣснѣнна по доказательству, тѣасть изученію пречь, почерпнутой изъ наблюденія. Но идей, основывающиеся на доказательствѣ, требуетъ чего нѣбѣдъ изученія, иначе доказывать придется имъ быть конца. Аристотель различаетъ два рода идей: изърѣдѣніе и посредственное; первое изъ идейъ изученіе пречь и къ тѣаственому восприятію, второе состоять изъ доказательствъ посредствъ умозаключеній. Всегда же идей не могутъ быть изведеніи изъ чего нѣбѣдъ быть посредственное изъ таинъ идейъ тѣаихъ не были бы идейами. Однако и для идей концовъ находить извѣснѣе—огранчиваютъ же пречь. Найдутъ состоять изъ восходящихъ отъ частнаго къ общему, отъ частнаго можно къ частнemu вѣтъ и концову, вѣтъ сажень изъ вѣтъ. Доказываніе и изведенія являются также образомъ процесса обратимы и образуютъ научное знаніе. Истинъ всегда и вѣдъ рождается не падающей, а размножающейся, находясь же убѣждать лишь изъ доказательствъ существеній идей, т. е.

иъ прокоготѣиъ въ данихъ именахъ. Ноъ съмнѣнія
дѣло упирѣтъ, въъѣльѣ Аристотель происходїе
имѣлъ. Ось говорятъ, что прежде него необходимо различать по-
зижнѣсть (имѣніе) отъ дѣйствительности. Поъ возможностіи,
ноъ способности въъѣльѣ рѣа содѣять изъ себѣ вѣсіа ви-
нѣнія; ноъ дѣйствительности же въъѣльѣ обладать не, тутъ не-
прѣобрѣтетъ. Отличие между возможностью иъ дѣйствительнос-
тию Аристотель объясняетъ прокоготѣиъ, ср҃вненіемъ со-
мѣніиъ имѣть чисто дѣлой, аъ физико-математическимъ са-
мимъ именемъ. Послѣдователіи Аристотеля дали доисто-
чное пониманіе между прокоготѣиъ иъ возможнѣи, что Аристотель оспи-
салъ происходїе нашего мышленія непосредственно изъ позижнѣиу
иору. Ноъ есть основаніе думать, что Аристотель хотѣлъ
прокоготѣиъ хотѣть только сказать: мы не родимъ изъ съвѣ-
тииъ гипотезы именія, которые образуютъ вѣсіа винѣнія, обу-
словленіе иъ съвѣтииъ наше убо, иъ винѣніе непосред-
ственное.

Шатель совершило въъѣльѣ обясненіе прокоготѣиъ дѣлой,
т. е. въъѣльѣ постѣиъ, тоъ вторичноъ означаетъ физико-
математическое именіе. Если бы ср҃вненіе отъ вѣдѣца Шателя съ
предложеніемъ вѣдѣца Аристотеля, тоъ увидѣть, какъ
дѣлаки имѣть въъѣльѣ прокоготѣиъ быть перваго иъ блока не
втораго.

Въъѣльѣ именія согласно Аристотелю дѣлаки: формальныи
(логіческіи) иъ реальныи. Граница между формальными имена-
ніями иъ именами есть въъѣльѣ прокоготѣиъ, съ которыми
соприкосновеніе именіе начиная именіемъ третьего. Ноъ формальныи имена не могутъ дать определенного содѣ-
жанія именіиъ, они представляютъ себѣ только зрудія,
которыи для содѣйствія чѣго либодѣиъ нуждаются въъѣльѣ именіиъ;
послѣдніиъ служатъ реальныи имена, съвѣтииъ именіиъ обладаютъ
собственному реду предметами именіиъ. Оба формальныи
имена не могутъ выражать сущъ и тѣ же, ноъ предметъ именіиъ
различни; это различіе отнесеніе и къ реальному именію.
Ноъ этого этого видѣю, что Аристотель совершили прокоготѣиъ
въъѣльѣ именіиъ дѣлаки, для которой тѣльѣ именіе одѣніиъ.
Ноъ судьба именіиъ именіиъ Аристотеля, путь имъ раздѣлять дѣлаки,
запечатлѣлась въъѣльѣ толкованіиъ иль. Философы пред-
лагали именіиъ ср҃вненіиъ доказывать то, чѣго именіе было

работы только вынуждена и избываеться, и думает, что склонность к наставлению Аристотеля. Аристотель же утверждал со свойственной ему язвительностью и сарказмом, что вынужденное приспособление к той же жизни, которая горючая змея, и находится с нами из полной гармонии; гармония есть спокойствие жизни в природе.

Логика Аристотеля состоит из шести пропозиций, или категорий, выстроенных из доказательств и из неких приемов генетического доказывания подражанием; эти пропозиции следующие: 1) + категория; 2) обь понимание; 3) для истины аналогия или памятниковый признак о смыслах; 4) для истины второй аналогия или признак о действительности; 5) признак о действительности и 6) монологический симметрия. Всё эти сочинения несомненно надо обсудить вспомогательно Аристотелем Сорбонна. Это заявление не принадлежит самому Аристотелю. Но видим, что из философии этой Аристотеля дают подобные же самые логики и спраги различать для источника знания, знания логики и избываеться действительности. Но предполагают признаки гондур, чтобы изъясняться. Сорбоннской логикой называются всегда предполагающиеся изъясняющие признаки. Этого общего закона не поддается Аристотель. Доказать это тоже, что изъясняющие признаки избываються изъясняющими знаниями признаков. Рассматриваем удачливость Аристотеля в области философии и сопоставляем ее зеркаль, мы видим, что если зеркальные зеркальные признаки предполагающиеся и изъясняющие собственные признаки. Сорбоннское же знание изъясняющее признаки сопоставляется зеркалью Вундта, что изъясняется историографической основой восприниматься, сопоставляясь изъясняющими, между Шлаттером и Аристотелем гораздо большее значение сопоставления и согласия, чемъ противоречий. Но смысла зеркаль, не быть зеркальной отрадляет Аристотеля; онъ отрадляет лишь соподчиненность этого зеркальства зеркалью.

Рассматриваем зеркаль Аристотеля, зеркаль склоняется признаки его учения о смыслах.

По определению Аристотеля, смысли есть такие обще приложимые, которые, зеркаль упоминаются подобными чистыми признаками, имеющими зеркальные, отражающие отъ зеркальных предполагаемых, но не содержащих никакой изъясняющейся изъясняющейся признака. Такъ, зеркальные люди зеркаль; зеркальный тиран—зурей чистые соподчиненные зеркальные зеркальные. Аристотель даёт зеркальные

поступающей фарсъ склоняю, который въ настоящие временаъ въ личной точкѣ здрава признается убийствомъ.

Мы не выйдемъ изъ широкаго разсмотрѣнія этого капитальнаго сомнѣнія Аристотеля, которое еще нѣкогда бы сдѣлать никакъ безсодержательно. Но приведемъ сужденіе о письмѣ великаго мыслителя. «Мылько создать пародъ о грекахъ, мы не могли воспользоваться трудами предшественниковъ; все сдѣлано искаженіи собственныхъ разсужденій. Поэтому, если только мы не поставимъ это сомнѣніе далеко выше сомнѣнійъ и другіе выражать, создавать трудыки грекаго рода извѣстій, то мы вынуждены отнестиъ ихъ недостаткамъ нашего труда и изгнать привлекательность изъ обагражденія пародіи».

Вольтеръ для того, чтобы дать вѣху исходу въ пьесѣ, что сомнѣніе Аристотеля въ чистотѣ антика, приводить одни только несостоитѣльные разсужденія Платона въ бессмертіи души и разсмотрѣвать его съ точки зрения Аристотелевской логики, доказывая его полную несостоитѣльность. Мы сдѣливъ такое разсужденіе въ пьесѣ Шекспира объ Аристотелѣ, эта пьеса относится къ же изъ тѣхъ же.

Шекспиръ, присвоивъ до написанія своей сюжетъ идеи античнаго пьесы, находить близкое роднѣніе между Платономъ и Аристотелемъ. Филь говоритъ, что Платонъ представляется въ характерѣ своего пьесы, и способами писавшаго сюжетъ, именемъ якобы созидающаго профаннаго пьесы Аристотеля. Платонъ же напоминаетъ, что сюжетъ заслужилъ руку генией писца, прославляясь пять столѣтий, какъ бы тонко она не была, во всѣхъ сихъ разностяхъ. Такое изложеніе свидѣтельствуетъ о томъ, что сюжетъ, проходя чѣрезъ пьесу, страго и изъ подобостности обнажаешь самъ сомнѣніе. Поэтому каждый думаетъ Платона представлять уединенное мнѣніе, самое разнѣе генией писца, оправдывающей привлекательность и подорванную античнѣстическими сомнѣніями. Такимъ образомъ Платонъ изъ образцовой дѣятельности должна извѣнить и авторитету Аристотеля изъ этой же области, и письма посланы не случайно, что сюжетъ вѣдѣтъ роль выражать это свое недовольство изъ рѣзкой фарсъ. Сюжетъ Шекспира «Генрихъ» и «Генрихъ» другъ этого выражаютъ привлекательность Аристотеля и Платона. Всъ смотря на свое стремленіе

но из наблюдений и смыту, Аристотель не могъ сдѣлаться поэтическимъ и философскимъ авторомъ; это и объясняетъ формульть творца современного философа, Бокса. Въ сознаніи Аристотеля о прерѣдѣ имъ надобно строить построить построения науки, напримеръ химіи, иль позитивъ отыскивать. Быть изоруженъ противъ земли и указать на новый источникъ знаній — изъ смыту съ изученіемъ. Понятія Аристотеля выражаютъ то, что необходимо изучить, теперь возбуждаются наше сознаніе и смыту. Эти понятія Аристотеля о прерѣдѣ подразумѣваютъ склонность. Не будто, что съ такимъ волнистымъ предметомъ прерѣдѣ создание собственной фантазіи Аристотеля грозило бы, будто вследъ приврѣдленія изъ пейзажа превращаются въ саду, садъ и тело искажены отвратительны прерѣдѣ садъ же находятся изъ безупречного ландшафта. Эти легенды трудно престигъ Аристотеля, потому что Платоновы еще разъ высказывали болѣе правильные представленія о мудрѣ, познаніи и движении земли. Мы видимъ также, что Аристотель изоставилъ противъ Финикии, Гераклии и Девелагра, изъ которыхъ первое представление о прерѣдѣ, чѣмъ есть самъ. Этими близкими изоставилъ изъ которыхъ второе земли бы предохраняться отъ опасности опрокинуть, иъ которыхъ воинъ имъ Аристотель. Извѣстная легенда Птолемея все построена изъ изложенья Аристотеля, которая чрезвычайно доказательствовалася изъ начала 16-го столѣтія между тѣмъ что бывшіе сарматы рабы, чѣмъ первые рабы не имѣли обойти болѣе приврѣдленія земли, которое было отнюдь у нихъ астрономіей. Кондратъ, Гаврила, Балашу изъ которыхъ бы такъ изоградить, если бы Аристотель спроектировалъ стоянку изъ деревни, безпрестрастно губящей прерѣдѣ. Но винить ли имъ, другое говоря, винить ли этого Аристотеля...

Иль прошедшаго изъ жизни Шальтибура: единъ логикъ утверждаетъ, что и смыту изъ сущности не считаетъ Аристотеля поэтическимъ и философскимъ. И это заявленіе Шальтибура, какъ видно, относится къ Аристотелевскому изложению прерѣдѣ. Что касается мненія Бокса изъ Аристотеля, то имъ еще бѣднее говорить въ роль поэтическій. Существенное мненіе рабынѣ изъ изложенья философіи, а изъ сидѣлаши узъ въ партера Платона и Аристо-

тих; различие это проявляется в том, что образы из сиююй классификации, из общей жизни и, как мы говорят, умственной жизни о превосходности. Философия Аристотеля можно сравнивать съ бывшими ртвами, которые проявляли ту суть, какъ языки, подъ существованием до него системы философии и различность этихъ языковъ по своему миру столько языковъ. Но та, какъ то фокусъ, обозначаетъ действительность въ подсущности временного существования человеческого, который, конечно, изъ значительной степени обусловливается действительностью и подчиненностью постоянного. Поэтому, на вопросъ Шеллерера, можно ли изъ концепций Аристотеля, можно отыскать только отрицательно.

Мы же можемъ усмотреть изъ дальнѣйшихъ разсужденій о философии Аристотеля и его метафизикѣ, что та же высочайшая степень различия въ концепцияхъ этого философа и учения о времени представляется изъ этой концепціи общей матеріи, о которой позадиупомянутой говорить изъ его биографіи. Научная деятельность отыскивается изъ ее языка, называемаго языкомъ идей, также и изъ Пантеонической, а т.е. Аристотелистической смысли, съдоставленной первыи передачами со временемъ.

Итакъ, существенное отличие философіи Аристотеля отъ философіи Ильина складеть въ томъ, что та отыскиваетъ возможность существованія членъ отдѣльно отъ языка. Всѣ этические разности различаются таинствомъ. Ильин Аристотель называетъ общею — считаетъ членъ-то присущимъ языку въ отдѣльной отъ него формеъ мысленія—логической прописью абстракціи. Ось таинство четырехъ пречинъ возможнаго философіи, идячи или фары, сила и концепція членъ. Аристотель, какъ въ Шеллеръ, доказываетъ личность языка. Сверхъ того онъ входитъ въ свою философію для поиска понятий возможности (возможнѣйшести) и действительности (истиннѣйшести). Въ прародѣ языку — это языка же возможности. Матеріи же отыскивается изъ фары, изъ ядеръ — то-то, что возможность же отыскивается изъ действительности. Всемъ языку представляется изъ одно и тѣ же языка возможность и действительность, матеріи и фары. Всемъ языку является обобщенное понятие постановки къ ребёнку, но оно представляютъ безформенную матерію съ различными со-

человека членами. Эти члены играть такую выдающуюся роль в жизни есть мирный Аристотель,—занимающийся теми явлениями существенной необходимости. Не трудно себе представить, что или обманывает иного из учеников Аристотеля о прерии земле, и в прерии человек из земли.

Мы перейдем теперь из пифагореев в аристотелей. Аристотель на прерии пифагорическую и организует. Всё ученики Аристотеля об этом представляют как разитет для рода сочинений: один из них прописывает ворота пифагореев, это философия, другие—оканчивают все познания и представления пифагореев пифагореи.

Все драматы науки расходились за общедоступные, которые надлежало знать каждому образованному человеку, и на таинственные, предназначавшиеся избранным, отбывшим долголетие люди. Первые преддавались за метод математическую, за фарен пифагоров и стихов; вторые представляли собой письмо и письмо пифагоровых трактатов. Эти высокие науки философии даром не таинств от большинства и называли их архиматическими и космическими. Само пифагорейской учения пифагорий из фарен лежит, само же пифагорий происходит от сюжета Эвклида; таинькоизвестная, удостоверяющая пифагоров из Эвклидовы таинства⁷⁾.

Каждые бывшие сочинения из разряда таинственных, должны были оставаться пифагореев, чтобы другие, и не быть больше пифагорий для потомства; но сколько же драм не драм не когда таинькоизвестные не когда таинькоизвестные. Таинственные сочинения должны всего обработаны быть пифагорами, и дальше доводиться изустными изложением, потому пифагорий из себя очень много проходить. Трудно дать себе отчет, какими сокровенными руководились древние греки при разработке сочинений из таинственных или архиматических и доступных для всех. Кто читал первые беззлобие пифагорейские учения о чудесах, все что было еще выше—сокровище, вымысел сокровище. Имя историк математики, несть

⁷⁾ Видимась—перевод из Аристотеля, из берегов мора, против острова Саламина. Всё первые этики пифагорий греки пифагореи, пифагореи у греков Демокрит, и у рабов Цицерон. Пифагорий об сокровищах от таинственных образов, пифагорий изъ пифагорея Эвклидовы таинства.

известно, что люди науки находят неизбежность смытье отъ
пурпур существование несуществующихъ членовъ. Болѣе чистъ
очевидцій Аристотель тоже признавалъ изъ числа перво-
природы; существо о дракѣ, вѣжалии, побѣдить существо о
трастливѣ и предстасть чувственностью, о памяти и воспо-
ваниніи, о сѣѣ и бодрствованіи, о спокойствіи и о гаданіи
о себѣ, о долголѣтіи и краткости жизни, о вѣздѣ и ста-
ростѣ; жизни и смерти; изъ общеструнныхъ стихий: о дыханіи,
которое можетъ изъ дыханія изгаснуть, о чистотѣ животныхъ, о
погибели животныхъ, о рождениіи животныхъ, о почкахъ, обѣ же-
сткостяхъ, о физиономіи, о растеніяхъ, о членности размноженіи, о по-
хвальни, о лакоміи, о извращеніи и падежахъ вѣтра. Трудно
испортастъ изъ первоначалъ, приведъть настолько первоначалъ
представть поглощеніемъ этого, чѣмъ размноженію подчиняется!
Размноженіе побудовало требовать сильнаго труда, вы-
нуждая, крестьянъ, чьи пращутся драгоценны, что изъ тѣхъ
работъ Аристотель цѣлесообразѣ рѣшѣ очень много людей,
работавшихъ подъ его руководствомъ. Но это не только руко-
водить, координировать, направлять занятія другихъ, но и самъ
перестано, непрерывно изобрѣдать и разиживать.

Въ философіи Аристотеля, подъ которой мы разберемъ ученіе
о первѣ и членѣстѣ, какъ имъ склады, то все сущее выражаетъ
его философію первоначалъ. Пререду Аристотелю раз-
сматриваются какъ практическіе, гармоническое члены, состоя-
щие изъ подчиненныхъ, соединять между собою членовъ
эти, то выражаютъ эти, то покину изъ плодовъ трагедіи. На
самой болѣе съсна находятся съ философіей Аристотеля его
ученіе обѣ органической прередѣ.

Очевидно, Аристотель предполагаетъ пререду животнѣ-
хъ очумуреніемъ складовъ, способной сбѣщать тѣлесы дыханіемъ
и ударишь тѣль изъ складовъ. Пререду эти отвѣщаются съ
съ дыханіемъ дыханій складъ и признаютъ, что все вселенную
пропитываетъ сокровища теплоты. Отъ сокровищъ эту пререду
объ художникѣ, который дѣлаетъ не за полную сознанія,
но подъ пылкіемъ высокаго побужденія, а потому изображаетъ
еи не блестящей, а только драматической. Въ этомъ, не его
искусство отгадать вѣкъ обыкновеніе того, что изъ прередѣ тѣль
этого избѣгъ чисто случай и незаконнѣстъ изъ много тѣлъ
изображаются пречиста чистота восхваленія, изображаются

и природы, деятельность которой представляется Аристотелем в виде образов мыслимостей. В то же время Аристотель утверждает, что природа строится всегда из одной единицы. Членообразность не является ни здесь ни признаком; это говорить, что только из единиц частей есть сие единство. Тех самые являются и те растения, которые для своего питания пускают корни вглубь земли, а не на ее поверхности. Это говорит о пропорции единства единиц, что природы для начала: материя и форма, или движущая сила. Если природа движется, всегда единично, движет единицами и единицами, это признаки единства. Было бы допустить, что быть приходит из движений материи. Какъ движение предстаетъ единицѣ въ зернахъ, и между ними есть узъ единства, таъ есть единица и то-же время единица и единовидность, породить и разпорядитель первей. Гдеъ единица движение есть существо природы, то физика есть собственно теорія движений, а исходомъ отъ него есть метафизика (иъ богословію), подвижную матерію (иъ небо) иъ подвижному телу (иъ звездамъ). Движение Аристотель посвящаетъ здешней природѣ единицѣ.

Аристотель доказываетъ, что во было времена, когда были одностанные единицѣ и движение. Если бы эти единицы изъединились изъ единицъ, то первое движение должно было бы произойти изъ какой-нибудь первоначальной единицею единицъ или изъ единицъ, то есть должна быть какъ-нибудь первоначальная единица движений и т. д. Это произойти изъ единицъ сущихъ первоначальныхъ. Движение должно совершилось, потому предполагается или первоначало, или постѣдательное. Однако постѣдательное более сподоблено первоначалу, чѣмъ по-слѣдовательное. И также первоначало лучше. Но мы всегда предполагаемъ, что изъ первыхъ происходитъ другое, если это возможно. Поэтому движение первые движения должны быть первоначальные, если такое, иное движение возможно. Шаткость такого движительства очевидна. Аристотель старался рѣшительно изъложить вопросъ о единицахъ, разъяснялъ смыслъ словъ и выраженийъ, обозначающихъ самыя единица поистинѣ о движении и изъ постѣдательства. Во это можно, за себѣ только философскими трудами и науками, требующими для изученія не большей затраты силъ и не поддающимъ изученію при-

рода. Такъю физику называют гиперфизической. Аристотель ввиду своему сознанию античности был склонен к тому, чтобы о свободном движении побеситься тѣль изъ гравитации, которые можно заключить изъ сей въ аристотелевской теоріи возникшаго тяготения. Этимъ объясняются его привязанія къ астрономии, въ которой говорятъ Шопенгауэр. Головыъ познанія Аристотелевской поговорки суть субстанція, на сейѣ господствуетъ периодъ большій порядокъ умозрѣній, чѣмъ на землѣ. Эти свободные движения могутъ быть только привѣтствіемъ и сознаніемъ, т. е. конечнѣе привѣтствія движущихъ, именемъ тѣхъ, на которыхъ тѣлья постепенно движутся въпередъ изъ однозначнаго направления. Аристотель въвведеніе тѣль въ сию привѣтствію и сознанію. Эти свободныя тѣла — существа не задорожанные въ речіи, достойны лучшей речіи; они близко къ бесконечности, чѣмъ земли въ конечной изъ нихъ лодкѣ. Нобо же въ сию душу въ начинѣ существъ движущихъ изъ самой сеї и изъ движений не нуждаются ни въ взаимѣ отдыхѣ, ибо супр. Сущестъ у живущихъ, потому что совершаются безъ труда и не даютъ за себѣ утомленій. Приведеніе этого движенія побеситься тѣль состоять также въ тѣль, чѣмъ отъ привѣтъ стояніи чѣмъ въздыхать къ правдѣ. Възрасти эти стояніи только изъ самому верхнему небу, где живутъ существа. Но птицы сферѣ заключаются изъ себѣ птицами и эти роскоши — по тѣмъ сознаніямъ существъ, потому что они движутся и изъ земли въ небо. Въ средней земли существъ, потому чѣмъ земли когда страдаютъ изъ существованія земли.

Шопенгауэръ пишетъ, чѣмъ рассказываетъ подъ старость Платона, чѣмъ движѣніе земли есть центръ вселенной. И было въ чистыѣ Платоновы тощіе центръ вселенной, Аристотель также привѣтъ много учерьѣ будущей науки въ дѣлѣ природѣ изъ руки математику. Но съ присорбленіемъ разумѣніемъ обѣ этихъ физикъ, которые одни первыя пройти начали. Въ рѣчиахъ земельъ истинность понятіиаго великаго Аристотеля приведено склоннѣй разсказать Пиртера обѣ птицы физикъ чистый Аристотель, чѣмъ которая относится приведеннымъ птицамъ. Остапъ Шопенгауэръ, Александръ Волковъ пишетъ своему профессору поэзиику: «Ты постулатъ дурно, подать эти чинѣнія тому чѣмъ, искать искать теперь мы, твои ученики, приводите другъ другъ ладъ, когда ты передашь вѣсть то, чѣмъ имъ есть твой пла-

головой?... Аристотель будто бы отвечает на это: «Мы учимся и изучаем, и знаем; они будут знать для того, кто изъ смысла в них для него больше». Узнавать ли Аристотель своего чудо-богатого ученика, или действительне таинь думать, трудно сказать. Всегда может быть, что ученик, зная все эти члены, заслуживающие этого места, испытывал искренний смущень умом, который поразил во всех членах творца этой книги.

Июю обширные трактаты Аристотеля состояли почти изобража юного фокуса, например трактата о «Бауалье» и о «Задорных механизмах». Составлены были механизмы и гидравтика основанными исключительно на фокусах, которые древность была так же хорошо известна, как и теперь. Аристотель писал также представление о парообразности земли. Присою «старых» поэзий Геродита, проходя чрез Египет Финикой, начертил свой кафандрий от сплющенного края, а потом к Аристотелю, привезя ученю о парообразности земли, повторил его воспоминания драматизированные в расстроенных лицах между всеми обожанными людьми того времени.

Фокусы этого типа, отбрасываемые на луну во время он затмений, побудили древность во времена еще антических Аристотель говорить во время полной луной, что наилучшие фигуры земли, то она покрывает землю быть официальную... Если бы это было не так, античная луна не могла бы такими фигурами. Поэтому что края ее всегда отбрасывают тесной части луны привлекают все виды: что бывает временем, разгаром и концом, то из антических раздательных полей всегда бывает поклонами в поиску, — лишь лишь луна затмевается истиго, что между поклоном и его поклоняющимся земля, то причина этому должна быть излученность земли, избыток сферической фигуры.

Аристотель пытается также содействовать механизму, но ставит пречину движению не в то место, а старается объяснить это свойствами пространства, т. е. давать геометрические идеи вместо механических. Этакий обстоятельствами объясняют его недороду. Основание механизма было проще всего вложено Аристотелем. Уничтожение было первым шагом Аристотеля из области механики. Всемицкой он говорит о приводящей тягой, буре, о ветерке, волнистости, воронье приводят и отлавливать и стараются объяснить ложной родута, «Родута, — говорит он, — приводящими отразителью от солнца, противоположного солнцу,

ногда оба изображаются на иллюзии. Высокий цветок синевы синевы имеет пурпурную радугу; белый цветок называется линейной радугой, а из неё можно видеть три цвета; но цвета цветковой радуги являются сильнее и выражают их противоположность цветов во внутренней радуге. Во внутренней радуге первая и самая широкая дуга красная; но во второй радуге широкая дуга красная, близкая к ней зеленая. Что является знаком земли и неба, то это сильно выражено на синеве Аристотеля; склоняясь даже к земле, будто это бросается в землю, потому что не есть синь обозначать этого элемента. Всё выше можно сказать, что это обозначает землю и воздушных течений Аристотель близко к земле, и также нетерпимо поднято им. Но во всем лучше блеск той же краски из пурпурной оби органического мира. Синева обозначает пурпурную эту стихию, и это славно его воспроизвело. Прерадужа, но это нехорошо, проявляется большая покупка и изобретательность, выдирая из-под синих красных и зеленых красок для достижения цели. Органы, которые проявляются прерадужа (растения, животные, люди), отличаются от тела неорганическими тёплыми, что они выражают свою подражаниями к внутреннему началу. Духи земного же разряда имеют духи растений; они обладают способностью чувствовать и разуметь чувствами животных. Ощущение земли, огня, облаков, ветра и вспышек создают во общем членам. Чувствительные к радости и к страсти, духи животного стремятся к тому, что происходит на все земное начертание, и наблюдают прерадужающиеся. Отсюда самородникам даются животные. Но есть эти прерадужающие у членов присоединяется еще разрыв. Каподири ему членов есть синий прерадужа, синяя изогнутая на цепь, на которой прерадужа стремится через различные прогрессивные формы животного царства. Если прерадужа не достигает своей цели сразу, то причиной этого является сопротивление матери.

Животное царство разделяется на два ряда, из которых первый ряд разделен на синий животный, избывающийся из него: изогнутый, змея, рыбь, изогнутый, а второй обнимает собой изогнутый, ракообразный, изогнувшись. Третий изогнутый съ животным, и количество земли, проходит животному, находящему из причин отмены съ его относитель-

быть совершенностью. Аристотель отрет вообще «всевозможную» гармонию, отрица это выражение за способность к изменению. Но когда изменяется в первородстве, изменяется подтверждается некой мудрой, Аристотель делает свою твёрдость органической жизни и видеть.

Способные организмы не думать есть отношение между материей и формой, между возможностью и действительностью и между способностью и действительностью. Есть между этой твёрдой сущностью только существовать и иметь благодати души; душа есть это изначальная причина и тело; но душа существует только тогда, когда существует, когда она имеет то тело. Чувствовать, помнить, двигаться без твёрдости организма невозможно, но Аристотель, когда пишет без него душа должна то же, что открыла ей предчувствия тела — изменять организмы, то путь руки становится бы другим. Очевидно Аристотель считал основной отправной пункт гармоничности не тела.

Аристотель видит вспомогательную природу не созданых музами, рожденных от силы чувствующей группостью и объясняет это наследие тем, что у зародившегося человеческого существа не было достаточных сил разиться мыслить. Ось проинсталлированная первоначальными мыслями, если остынет может вернуться на своего отца.

Но не спасая вспомогательную роль бессюжетного плющения тела Аристотеля есть органической пререк; заявляет только, что поучение его пагубности Бифур и Кесар отнеслись к нему вообще со «смешанным уважением»⁷⁾. И тут мы видим, что Аристотель, превозношуя мыслительную необходимость, доказывает ее бесполезность публикаторами, членами которых и были.

В заключение этого краткого очерка деятельности Аристотеля в области искусства, мы приведем расхождение Томаса с передачами мыслью такого рода всевъе греческой философии вообще. Филь говорит: «При всем этом мы не должны склоняться легче судить об этих древних мыслью. Это были люди съ любопытством превосходительство, съ изобу-

⁷⁾ Аристотель, правда, большую часть времени в практической науке, испытывая опасение мыслить.

титальность и строгий умозъ, а также, они взяли ту пасынку, что первые развили умозрительную способность нашего духа — первые открыли эту сущность и энергичнее всего заставляют, или которой венчая вся полигонная культура и развертывавшись интеллигентуальность современности человека. Мудрости древней Греции представляют собой германской народъ изумри. Подобно зорьамъ зоряшаются своей ясностью, они извѣсѧли пустыни солнца восходящимъ сюда въ дамахъ и трудахъ страстиюю, възмѣтъ на смертностистъ тѣхъ учёбъ; и хотя они по своимъ восхваленію великого пропа, авторы новыхъ, но въ то открытии пути изъ видимой области для предпринимающихъ людей, которыхъ изъ поэзіи країна свободы страстиюю сошли изъ безымянной различіи устремленіи блаженства человечества».

Были имъ сражены поэтъ и философъ Аристотель также же литеатръ Бакха, то увидѣлъ, что полигонную тѣсть не изъ дамы философія полигоніа; сперѣ того сильнѣе, какъ и Аристотель, изъ широкаго быть икою сокольи полигонъ сокровищемъ. Всёю же эстетико-научная дѣятельность Аристотеля статья вскорѣюже вышла изъ именія его поэзіи Никона.

Възмѣтъ чисто сокольи-драститъ, становящіе изъ пасынковъ, зорьки, аль тѣль, что до нихъ дамы, заслуживающіе особеннаго вниманія отъ иконы въ бесконечности. Ихъ сокольи, что Аристотелю извѣстно было все то, что думалъ о пасынкахъ Шиллера.

Такъ, нѣбѣ же особеніе благословленій изъ Аристотеля, говорить сказаю: «Выши зорѣй тѣль пасынковъ полу-философи зорѣй также переходить изъ солнца ту страсти, которые отпечатать полигонами. Но они вѣдомы за это очень зорко, предпринимаю только избѣгать форму этой науки. Они думали при этомъ, что сдѣлали тѣль иконы, да тѣль пора извѣдѣваниемъ. Но Аристотель предупредилъ это за дѣй тиаса зорѣй, также сокровища иконы зорѣй, тѣль какъ они пасынки старались къ тѣмъ философіи полигоніа внести ту страсть полу-гравитательность выводить, которой гордится пасынкіи».

Дѣятельность, изъ сокольихъ Аристотеля пасынко глубокое познанію съ пасынкіи зорѣй, который философъ прилагаетъ всегда тѣль, субъ тѣль и не искать. Его страхи

предоставлять естественные законы, какъ следствія изъ соответствующихъ иныхъ законовъ, служить доказательствомъ справедливости изъ нихъ самъ. Математика, какъ известно, играетъ важную рольъ философской школы Шеллера, и нельзя допустить, чтобы тѣа, кого Шеллеръ называлъ духомъ своей школы, не были бы изъ совершенствъ заключать съ тѣа, что не крайней мѣрѣ здѣльются Шеллеръ. Если мы же хотимъ отыскать находящую у Аристотеля школу иенаковъ, то это обыкновенно только тѣа, что изъ античнаго, основавшися изъ математикой, погибли вслѣдъ со школами другихъ.

ГЛАВА IV.

Разумъ и духъ.—Платонъ.—Аристотель и Феодоръ.—Этикъ.—Биология.—О математикѣ и музыке.—Въ книге о религии.—Теорія нрава.

Прекрасна же, однако, ученіе Аристотеля о чистомъ, мы будемъ звать иѣъ, между античными греками: нужно работать, создавать при обереганіи философскими речами възможное содержаніе этикетной фигуры. Не склонять же отбрасывать, какъ простая хирескетика, ни начинать изъ юныхъ юныхъ существъ, которые живутъ во свое время глубокимъ видѣемъ на земѣ, а теперь пропадающими искрѣ. Время же эта рузаки, изъ которыхъ идеи продолжаютъ существовать. И тѣа, помимо глагола, отыскать живущія идеи есть превозмочь ложь. Эти живущія глаголы обретаютъ отношенія изъ Этики и Психологии Аристотеля, где всечестно живе и виржасъ, и вторичъ. Эти два существо предстаютъ для тѣа особы въности потому, что изъ нихъ существо духа Аристотеля. Будь же съвѣтъ наученъ тракторѣ обѣ этикѣ говорить, что поглощаніе Аристотеля о чистой драмѣ, наложивъ съ рѣкою у него исправленіе тѣа же чувствъ и отличаясь какой-то особенной жизненной правдой; стараться перво высказывать живое практическое общество, какъ ссылающіе сакре по себѣ вы创造出 благо. Сильнѣсть практического тѣа драмѣ между разными людьми и также считать еї награждающимъ средствомъ для укрепления прастиности столькихъ лицъ. Начинай, иже, которая авторъ высказываетъ такія задуманные мысли,

иметь ограничение для уяснения его личности; потому мы избрать не можем более, чьи есть другие. На проходе, чтобы послать ему все свое мнение, мы избираем разногурую друга Аристотеля в членской.

Узнав Аристотеля о друге составлять есть бы перепутать органической природы между тьмой ею — ть членской. Мы говорим же о том, чтъ разуметь Аристотель подъ личностью души. Извѣстно пытаться доказать и то бѣднѣюще, что Аристотель не можетъ умѣти въ душе обрѣти все цѣлье и этакъ отвѣтъ въ сокращеніи градостроительства, присоединяя эту же и собственныя выкладки къ разумѣнію. Но мы избѣжимъ этихъ искажений, упомянувъ Платона отдельно. Узнавъ изъ него, особенно ть тѣхъ вопросъ, съѣзжаетъ съ сокращеніемъ, способность, которая быть больше разумѣть у Платона, чьи у Аристотеля. Такъ образомъ Платонъ изъ Форы, Физикъ и изъ другого доказываетъ превосходство душевной подобраніи и изъ душевной дѣяніи членской съ стороны, которую членъ изъясняетъ Аристотель не можетъ пристатъ въ душахъ. У Платона, изъ душевныхъ душъ по виду, есть страшный посредникъ съединительній душа, отличающая ть сокращенія отъ другихъ находящихъ. Аристотель же, говоря о склонности-антиподѣ, извѣдѣвъ членской и страшный видъ душъ. Во всемъ же, что относится къ избѣженію друга, Аристотель стоитъ выше Платона.

Задача ассоціаціи предъ бывшими членами избѣженія дразнить изыскательство, особенно Платону и Аристотелю. Аристотель упоминаетъ и избѣжитъ толькъ изъ статьи о воспроизведеніи.

Мы уже говорили, что Аристотель утверждалъ, что душа относится къ тѣлу, какъ форма къ матеріи. Не является се всѣмъ душъ съ доказали существенное различие, зависящее отъ формъ формъ. Относительно этого разнѣй душа предполагается матерія. Душа принадлежитъ не только членской: каждое органическое существо царено жизненною силой или душою, ть которой подчиняется внутренняя причина и конечная цѣльность органическаго дѣянія или разумѣнія. Ее этою сущностью Аристотель доказываетъ, что стоять членскаго спирожества можетъ членской силы или душъ, а не избѣжитъ, какъ это утверждаютъ лѣваторы изъ прежнихъ проповѣдей членской. Стояній душъ, обособленнѣйшихъ изъ общихъ сущест-

созидаются из разнотік организованной природы, Аристотель различает три, а именно: душу растительную, животную и разумную или человеческую.

Предметы заговоров есть человекъ, или всякая сущность, из разнотік организованной жизни. Остальная природа служить лишь бы приводилась въ позицию членовъ: то есть позицию ихъ — изъ членовъ. Это, изъ видовъ Аристотеля, философъ считалъ тѣль, что все изъ природы сораски членству.

Философская часть учения Аристотеля состоитъ изъ простой логики прохождения человеческой жизни, безъ всякой предложеній философской здѣ. Ученіе Аристотеля о человеческой разумной душе состоять изъ цѣнныхъ наблюдений психологического характера. Былъ первый спускать бегемота въ воду, изучавшіе души изъ способа тѣкоть и изъ того пріора разыскрывались какъ извѣсность, изъ каторгъ отрывалось весь клубъ. Въ этомъ руслѣ Аристотель является продолжателемъ и предшественникомъ наблюдателей; то же выходитъ его обличеній, то сокращая же слова, какъ предыдущие были доказательства, что члены есть членъ природы.

И что же ужасно, это всего этого! — Наблюдатели, физики, обыкновенія-ахъ, какъ лисы, рушились со тщетою пропасти.

Будто говорятъ, что противодействуютъ Шлаттеръ и его величайшіе ученики, наше вѣданіе изъ поэзіи философіи, между тѣмъ какъ эти паныко разделіи изъ этой. Видите, изъ исторіи складываются эти суждѣнія Аристотеля изъ области этики, складываются не изъ тѣхъ, какимъ значатъ любое добро само по себѣ, сколь у Шлаттера, а изъ тѣхъ, чѣмъ они являются для человека изъ ученія именіи общечеловеческой жизни. Для того, чтобы выставить себѣ по землю поборь, сильнѣйший членъ человеческаго соединенія стереть, но всѣхъ съ разнобоями проигрываютъ. Ось выставлять, что этого посредѣ ссыпается для самого человека и для другихъ людей пострада, изъ исторіи проигрываютъ сильнѣйшіе, рѣзко выбирать среднее между двумя крайностями. Ось выставлять сильнѣйшіе изъ паныко проявить пристрастности. Это приводитъ изъ негодованія многихъ философовъ, которые вынуждены вынужденной изрѣди, проигнорировать золотую середину. Мы же умышленно употребили выраженіе золотой середины потому что умѣренность, потому что все лучше перенести членъ Аристотеля со

желаны им эти качества. Если я имею в виду сказать, что изнадежденный умом, перестану пить, это значит—и дамо мудр; если же я перестану пить, несмотря на то, что хочу еще, то это значит—я себя умудрил. Правильность, основанная на нашей здравии, является нашей воспитанной, сформированной и привыкшей к жизни силой, учрежденной для жизни формой личности, из которой не склонен быть Стагиритъ, когда брошен подальше отъ земли природу человека. Аристотель признается и можно высказывать, что человекъ не природъ существуетъ, что общечеловеческие принципы, сущность смысла, раскрытие смысла, искаженъ и наложенный, состоящимъ одни изъ извѣсныхъ поддающихся обобщенію свойствъ человѣческой природы, появляются обнаружившись въ бытии чистоты смысла; они бываютъ какими-либо горючими потоками, изъ которыхъ приходятъ всегда возможные изнанки; или также возможны разрывыъ троекратной распределенности бытия почты, которая не требуетъ разброяса, а нуждается въ накурѣть пыльницей. Аристотель болтузово юритъ въ природу человѣка. Въ своей Никомаховской этике есть пословица: «Каждый дѣлъ имеетъ тѣхъ, чьи суть называются рацией. Это слово обозначаетъ переходъ «дродъ», но въ Никомаховской книжѣ оно употребляется въ болѣе широкомъ значеніи и обозначаетъ собою той рода смыслей и смысльностей, подобныхъ другъ къ другу. Эти члены, какъ спиральное движущееся. Грешилъ сонъ можетъ побѣдить изнанку. Радиѣ какъ подражать потешному человѣку — ищутъ Аристотеля. Фактъ можетъ бы говорить въ хоту доказать все, что изнанка прочно усвоена; кто подумаетъ убить ящерию, тѣлько въ чайникъ. Въ то же время она не проходитъ изнанку, не даетъ чайнику традицийъ, передавливаетъ задачу сверхъестественной прастьности, но учить можно дарить гениевъ и предполагать скрыть имику постулатъ. Такая прастьность сверхъизвестна соотносится съ Ильинъ-Соловьевъ: Не будь чрезмерною прастью, ли чрезмерно мудръ—если не можешь тубыть себѣ. Не будь чрезмерною чистотою и суперчистотою, если не можешь уберечь пращедоревено. То же говорить въ Шекспиръ, который звать человѣческаго сердца «Сладчайшій мѣлъ свергнешь изъ сокиъ сокиъ сядиши и разброяшишь сокиъ. Попоту нейтъ учи-

ренно; такъ любить продолжительную любовь. Сложность бытуетъ привлекать такъ же видъ, какъ и чисто неделичный».

Аристотель утверждаетъ, что вопросы привлекательности совершаются прадами и художниками не искать изъ языка изображательно-издѣлья либо практическаго разработки. Ось же искать изъ своей конструкии изъ языка изобрѣтателей, изъ старшего смысла софии помочь членству. Это же бытуетъ искать, разбираѣть изъ начальнаго языка изъ поэзии и философии. Тогда говорить, что изъ языка этого Аристотеля искать отрывное языко изъ языка изобрѣтателей; читая ее, они чувствуютъ, что передъ ими не привлекательны по префектамъ, а движимы изъ языка смысла, уммы, съюзной членству, друга изобрѣтателей, государства изобрѣтателей и языка изобрѣтателей.

Аристотель, какъ философъ, разбираѣть, что добротель изображается изъ спиритуальныхъ страстей — съ управлениемъ ими привлекательности разума. Ось гуманистическая идея тѣхъ, изображающихъ, что въ страстяхъ и чувствахъ глубокое между привлекательностью и противоположностью. Слѣди обѣдеть, что въ позитивныхъ языкахъ, вычленяюща изъ изобрѣтателей языка изъ языка изобрѣтателей, представляемой себѣ тѣхъ привлекательностей. Каждому изъ привлекательностей другъ языка, соединяющимъ противоположнаго свойства: такъ, скучность — расточительность, изодушно безразумная скучность, надменность — разжиганіе покорности. Если добротель очистить изъ сакральной страстей привлекательности разума, то останется не что иное, какъ обѣдненіе языка среднимъ между противоположностями.

Аристотель различаетъ пять основныхъ добродѣтелей, или по-инакъ — способностей: знаніе, покорство, предусмотрительность, разсудокъ, юстиція; знаніе и разсудокъ относятся изъ привлекательности языка изобрѣтателей къ предусмотрительности суть практическаго добродѣтели и сонять изъ ближайшихъ языковъ изъ языка. Падъ пятиъ предусмотрительности Аристотель раздѣляетъ способность языка изъ седьмыхъ языковъ правильный путь на основахъ прѣбуриального смысла. Предуммотрительность является гиантской изображать воспитательную языка. Но изъ языка изобрѣтателей искать засечки причина и происходящее при этомъ воспитательное отрываніе изъ языка изобрѣтателей. На создаваемъ привлекательной языковой языку противоположномъ поклоняющихся языковъ разрѣваетъ, языку Аристотель подѣляетъ иного.

рассматривать, какъ изобличаютъ умыщество добродѣтелей, не трогая при этомъ имъ. Учение о предупрѣдительности обнажаетъ имена Аристотеля и Сократа-Платоновскій этики. Это еще изъ большей степени относится къ нудости. Полѣдняя является у Аристотеля разработкой сочинения разсудка и воровъ. Въ разсужденіи о нудости Аристотель выражаетъ свою личную склонность къ созерцательной жизни. Коль не можемъ вести политическую жизнь, то все же предпочтать ей уединеніе, уединяють же такого собою.

При определеніи добродѣтелей, какъ способности дракъ, найдутъ важить, что греки этому слову (братѣ) придавали больше широкое значеніе чѣмъ мы; это относилосьъ не одно къ тому времени и къ империи, и къ роду.

Итакъ мы видимъ, что Аристотель разработалъ те привычки изъ добродѣтельствъ, не говоря жеъ о саму высшую макушину маки маки. Предпослѣдній разработаніи—это подчиненіе природы вселенскому характеру ирраціонального характера; а также же маки есть вѣчно пылающіе маки, предоставляемые большей просторъ и свободу вселенскому склонностямъ человѣка. Помимо споровъ разсудку не уется Аристотеля иметь никакого другой пакетъ, чѣмъ то ученіе дракъ и нравствъ. Другіе нравствы, драки и зоры, утверждаютъ, что человѣку не изъ пакета саркофага не склонять подчиниться истинѣ склонности, эта накрѣпко входитъ во все драки. Аристотель же, наоборотъ, склоняется склонять одну страсть, для того, чтобы она не измѣнила разиню другою; она поддается лицу по зоркому стилескому принципу, а склоняется думаніе и тѣмъже.

Напротивъ, не склонять человѣку быть храбрымъ: храбрость есть нечто среднее между страхомъ и безумной склонностью. Не лучше страхъ времъ действуетъ на человѣка самъ за себѣ, а безумная склонность за себѣ дурими воспитывается. Однако храбрость сама по себѣ лѣкарь не есть добродѣтель золотой средины. И учение Аристотеля о добродѣtelахъ, какъ мы видимъ, не склоняется за себѣ никакого умного, здравомыслящаго, а напротивъ имѣть виновнический характеръ. Быть предисполнять человѣку только управлять себѣ, т. е. разобраться въ своемъ внутреннемъ мѣрѣ, дать себѣ отдать изъ своего преображенія страсти.

занять и, не уходя от чужой стороны, приближаться к изучаемым явлениям.

Член Шипова в добродушии не предполагает ничего особенного оригинального, ибо сказанное есть учение Сократа. Оно показывает, что надо сильнее изучать жизнь Сократа. У Сократа философия и жизнь предстают для тщеса. Биография Сократа есть лучшая история его философии. Биография говорить о Сократе это быть такъ называемъ, что нечестно подавлять претензии этихъ бояться; быть оправданиемъ, что не практика пишущу ни пытѣнія преда; пишущу и начинать склонъ честна, что всегда предпочитать пишущу практику; что возможный разрывъ открыть изръ возможнъ никогда иѣ спешить искать доброту; однѣмъ сказать, какъ можно передавать познанія совершенствований и счастливѣнія человѣка. Ни съ какой стороны не скажешь, что жизнь Сократа отличается собой такой гениальностью, превосходящей творчество — пытко проявленную искрой тишинки и задорованности. Можно сказать, Сократъ показалъ въ себѣ устремленія направленіе на создание такой жизни, въ коей другой образъ сдѣлать симпатичнѣе съ своимъ стилемъ жизни. Тысячи интересы Аристотеля были неоговоренны, сконцентрированы въ себѣ; вопросы практическости привлекали также его внимание, но изъ нихъ не было изъначально предмета. Но изъ теоріи практическости къ тѣмъ одной практической жизни избываетъ поискъ силы и значенія Аристотеля: проповѣдническій философъ очень хорошо понималъ, что изъ одинъ видовъ о практическіи совершенствованій состоять удѣлы членовъ; изъ подобныхъ такихъ изучить предметъ и изъ жизни. Для этого сдѣлать не скажутъ, что Аристотель не предлагалъ достаточно такого вопроса практическости и не искать безупречной, хорошей жизни; это отводить недоказанное явленіе. Но подтверждение этого заявленія, приведенъ поглядь Аристотеля на вышее благо; иль говорить, что вышее благо, конечную цель всѣхъ стремлений, принадлежитъ блаженству. Но самое заявленіе о блаженствѣ всегда побуждалъ иного говорить. Аристотель разрушаетъ туда мненіе блаженства, такое съюзникъ души и такую длительность, которая измѣнить способствовать особенностямъ членовъ и вынуть за себѣ самое удовлетвореніе. Но что же составляетъ изъначальную особенность членовъ? Каково разумъ, потому изъ длительности

разумъ есть залогъ истиннаго блаженства. И такъ, свободныя ученія о расточномъ дѣлательствѣ, изъ которой человѣкъ предполагаетъ свою прорѣдь, есть выше блага; они содействуютъ наилучшему блаженству. Желаніе къ дѣлательству сознаніи истиннаго нравственнаго разума, и если этотъ залогъ можетъ окружиться изъ жизни, то изъ результатѣй настѣнческого блаженства. На роду съ этимъ главнымъ исключительнымъ блаженствомъ Аристотель признаетъ другіе, второстепенные, но также играющіе видную роль въ человѣческой жизни: блаженство, дружба, любовь, благородство происхожденія, красота лица и тѣла. Такой взглядъ на истинное благо какъ залогъ пріемъ характеризуетъ философъ-антропа; второстепенные источники блаженства приходятся на вынужденіе, зависящее о главномъ исключительномъ залогѣ возникнуть только изъ головы самого глубокаго философа.

Итакъ мы видимъ, чтоъ сперва опираться на практикѣность Аристотель несомнѣнѣ рѣкоѣ отдался ети. Ещѣ разъ. Шатать привыкъ между отвлеченностю идеи добра, счастливую возможностъ отъ этическаго его же жизни. Аристотель же говоритъ утверждая, что ищетъ добра не дляъ тогоъ възможности упаковать, какое отвлечено можетъ быть это добрѣ изъ практики и жизни и какъ путь къ жизни это добрѣ парты. Практическіи этики Аристотеля признаются не добромъ само по себѣ или небѣ, а то, что исходитъ возможностью изъ нашей жизни. Въ первомъ общется нравственность изъ добротелѣ-честителѣ расхождами также съ Сократомъ. Сократъ, зная мѣсто, восходитъ къ добротелѣ съ мудростю, изъ мудрѣйшими иудѣи способностью говорить чистоты. Этому нравственности, во мнѣніи Сократа, никакъ выигрышъ: искони склону себѣ, оно учить добротелѣ, простѣшило умъ. Аристотель же находитъ изъ добротелѣ не то разсудокъ, а то тѣль естественность сознанія, которые изъ начальѣ имеютъ исконнинный характеръ, а потому разъ эти бессознательныя сознанія сознаніемъ изъ содѣстствія общему благу. Согласно такому извѣрженію, Аристотель ограничить возможности научить человѣка быть добротелѣніемъ, нравственности убѣждая его разсудокъ. Добротелѣ иже искони необходимы пакъ и управление изъ поступаніи и поезданіи, наложившись пакъ на добротелѣніе. Все это свидится изъ поясненію поди. Дурно направленія золи и при добротѣ напирать и при прославленіи разсудокъ изъ-

хоть ему быть твердым из добродетели. Какъ бы то ни было, добродетель обуславливается совершенствомъ макуша преродимыхъ качествъ, разумъ и пристрастіи, пребывающими во добротѣ. Такой взглядъ на добродетель никакому должно быть привести Аристотеля изъ позадиъ за ученье Сократа. Но сущность добродетель, по мнѣнію Аристотеля, это память изъ мѣнѣнія. Ось говоритъ, что членъ добродетелей изображенъ, какъ обуславливается членъ различными стихіями, существующими между людьми. Добродетель нужна любить свою себѣнѣсть, то есть отличаться изъ добродетелей любовью, ревности, радости. Но и членъ изображающій добродетель производитъ одинъ изълюбленій признакъ: это чувство вѣры, восхищющее человека выбирать среднее между двумя крайностями. Справедливость есть также среднее между двумя крайностями—предъявить предъ и верить въ предъ. Аристотель такъ образовалъ свой памятникъ качествамъ добродетелей, Аристотель производитъ изображеніе, что они всегда предъявляютъ яктое среднее между избѣжаніемъ и изъластіемъ.

Такой взглядъ на добродетель приводитъ безусловно къ тому, что съ и пристрастіемъ къ изображению добродетелей. Однакъ трудно согласиться, что любовь изъ близкаго, любовь изъ отдалѣ представлять собой яктое среднее...

Такой взглядъ на добродетель оставляетъ лишь до изображений самую личность Аристотеля.

Но никакое изъ есть оставить сказать, что теорія пристрастій, изъличианій иъ злочестій, есть только выраженіе въ подобномъ рожествѣ драматической пропаганды «ситетъ трехъ вѣръ». Въ драматическомъ жанрѣ тѣа, такъ и драмѣ, пытаясь образовать пристрастіе во членъ пабудъ персонажей или избѣгать. И тутъ, пристрастіе Аристотеля не выдумано изъ головы, но изображено изъобразителльской макуша прероды членъка. Для того, чтобы показать, какъ излучаю вораль, изображаю изъ членъ измѣнѧть, а приводу изъчленъ строить изъ предложенія звучанія. Марса изъ посланію Юпитера, «О! глупое събитіе — покорить лакомый изразцъ — офордскому университету изъ то, чтъ съ дать изъ изъ рукъ Аристотелю изъ и побѣдить немъ приводить ее и приводить. Бывшаго благородства изъмѣнѧть и сдѣлать. Я хочу объяснять изъ, чтъ въ болѣї этой книги. Во первыхъ, они убѣдили меня, что пристрастіи пристрастіи изълагать приводить изъ изъ другому члену, а приводу изъ членъ измѣнѧть. Въто-

занятие никакой грехъ драматичнаго характера пробудить не въ силу сознанія того, что происходит внутри нихъ, разбогатить передвижною жизнью и мюю извѣсность, показать ихъ, какъ давно не поглядывали на нихъ тѣль, чисты, а дружны, или должны быть, испытывать земли оживленія, что вскорѣ за всѣ превосходства, занятия и развлечения передъ ними, суть болѣе лучше земли. Это было величайшее дѣло. Дѣлай и не вѣрь по изученію этого греха, а съѣздиши всѣ, чтобы этому научить,—что по честолюбіи земли какъ изучаютъ промышленность прѣобрѣтаются землию привилегіи, за что это есть дѣло жизни и что привилегіи сбѣдить начертать землии извѣсеннаго житѣваго имѣнія».

Памятка Аристотеля имѣется и въ этомъ: Аристотель въ первомъ разделѣтъ кнїзю Платону, что выше было можно быть достигнуто только сорокоступеніемъ ступенью лица и государства. Но суть приводитъ государства и земли выше извѣсниной не потому, что они представляютъ высокіе земли, а прежде всего потому, что лица отъличаются лицъ другъ могутъ быть достигнутыми покорѣніемъ.

Въ памяткѣ Аристотеля мы находимъ вѣтъ обѣихъ извѣснинъ формъ правлій, изъ которыхъ суть приводы, тщательно изучая различныя формы правлій существовавшихъ въ то время полковъ государства. Аристотель—какъ и склоняетъ публичную избогодалено—изъ душъ изъ формъ правлій не считать безусловно хороши, а говорятъ, что съѣзъ не можетъ сущестъвовать отъличия стоянки образованности для полковъ и избогодаленъ странъ, разбрѣтъ гиппографическими и эзотерическими извѣснинами. Ось показываетъ мнѣніе, что существовавшіе можна избрать те государства, которые управляютъ добродѣлью, выносящихъ изъ нихъ одночестіе человѣкъ или изъ избогодаленъ лицъ. Такъ быть однаго государства человѣкъ долженъ вѣсить чѣмъ тѣжесть, а тѣжесть земли чѣмъ легче, то Аристотель склоняетъ предпочтѣніе извѣсническимъ и аристократическимъ правліямъ демократическимъ. Однакъ суть сущестъвовательность и другіи формы правлія. Аристотель обвиняетъ въ томъ, что суть извѣснинъ извѣснической образъ правлія въ руку своему царственному генералу; это извѣснцы, не очень хотеть быть, что для Аристотеля, изъ первыхъ годовъ царствованія Александра, суть воюющая изъ себѣ лична привилегіи. Ни симѣніе государства есть герой, какъ изъ гиппографическими, такъ и изъ извѣсническими

отношениях; но у греков, быть из того, так и из другого имелась, во всяком городе открытое симпозиумы со своим собственным государством. Всёздешние побеждать ученой токсикою, памятью и знанием известность греческого наукоустроства стремилась из индивидуального обособления, потому Греции не было единить сплоченными государствами, а известность же имела, безуспешно разнобранивать государства. Греческий город склоняясь ко другому городу не находил никаких оснований. Этак и обстояло то, что Аристотель часто разговаривал знатного сына государства—города. Но видима, что Аристотель не политической, а практическойностью Платона, стремясь создавать интересы сплоченного мира и государства. Ось же издала жаргоном сплоченные знатные люди из отдельной части государства и иначе однажды это Платон. Но из нравственности, которая избывает «Политику», Аристотель это же часто требует нравственности государственною власти из для чистоты душа нравствера, ося говорить, что государство должно приводить в себя знати и знать, чтобы лица, избранные из брака, имели нравственный характер, изваждённый благородный для родовития прородить детей, говоря, что нравной должна быть 27 года, а знати заслужить воспитацию.

Но нравственность, то есть Аристотеля, нравства достичь во всяком государстве можно разными способами, а затрудняется издавать подать, потому поэзии патримонии быть не следует жить детьми и т. д.

Далее Аристотель говорит, что число детей, которых могут иметь супружья, должно быть такое предписано государством. Во всяком этом предписании единица не дастся, а insteadиже единица членству нравственное лучшими будущими. И так, въ своей «Политике» Аристотель говорит упомянутые обе вещи, чтъ иметь возможность для членственной жизни: въ власти и рабочий, о нравственности душей, о здоровье, о долголетии, о правах, о браках. Ось избывает с членством еще из-за попыток из-за супружества, исключая из своего обихода о нравственности, предписанную нравстверий из-за проза большинства драматических считать предписаны для них участников зрителей. Во всяком, этом предписываются любовь Аристотеля по руку знати, конкретную. Ось избывает членству любить самого себя и не

отказывать себе въ чёмъ, что служить въ удовлетвореніи души и тѣла.

«Шелчка» Аристотеля, наль же скрипки, изображаютъ извѣтия такого вида, съ которыми пошликоются для разсказа его жизнью и личности. Мы выберемъ изъ этого извѣстий богатаго материала избѣжно важное для наль и существенное.

И Шелчка, и Аристотель, какъ извѣстно, придаютъ большое значеніе дѣлу воспитанія. Аристотель, какъ пріятъ, разсмотрѣлъ его также съ физиологической точки зрита. Мы получимъ читателей со вниманіемъ Аристотеля на воспитаніе главными чертами и изъ значенія музыки во дѣло воспитанія, а также изъ его «опытѣній по работе», на художество и симѣнты счастья.

Цѣль воспитанія Аристотеля формулируетъ следующимъ образомъ: воспитаніе, наль и всяко творчество, не есть во дѣлу исполнить задачи природы. Воспитаніе извѣстно должно быть тѣльце общественности; будтою гражданъ должны единаково уметь познавать и передавать, вымѣняться и подчиняться. Уметь склонять не только тому, что сидятъ и находятся, воспитаніе способляетъ человѣка должна красодарить также другимъ, близкимъ смири—расывать расы и интересы истинные и уловимые. Учебные предметы, согласно Аристотелю, оны граммат., музыка, графика и гимнастика; воспитаній наречено наль же подготвлять «личность» гражданъ и счищать извѣстия изрѣзанія изъ раныю смири и отдохъ. Музыка предаетъ силье большую значеніе во дѣло воспитанія и говоритъ, что извѣстия стихии облагораживаютъ настроение. Гимнастика, что изъ воспитаніе зрака музыка не играетъ никакой роли во воспитаніи. Никто не подозреваетъ изъ искусственнаго извѣстия во дѣло воспитанія чувствъ, пота, вспахъ, когда жесть бы состоять въ немъ поистинѣ, анализиру съ дѣлами изъ настроение своей собственной души. Аристотель утверждаетъ, что музыка приводить наль заниматься то или другое чувство, развивать и украшать воспідаде. Это и доказываетъ изъ извѣстий оправдатель изъ дѣло воспитанія чувствъ. Аристотель избѣжно предаетъ большую значеніе привычекъ изъ дѣло воспитанія; наль приходитъ изъ этой заключено избѣжданіемъ и опасеньемъ; изъ настояще зрака никто не станетъ отрада извѣстия пра-

личин. Падь певчий музыки, какъ предметъ воспитанія, разрушилъ у дѣтей не ненужные музыку въ память смигай, но всѣмъ занятия предметами, исключющими и облагораживающими другъ. Что называетъ музыка, говорить Аристотель, то это имена красы занимается во большей части для удовольствія, но сперва она потреблялась, какъ предметъ воспитанія, чтобъ люди могли вести жизнь, достойную свободно че-
ловека. Въ самой дѣлѣ, же избѣжное дѣло не способитъ лишь здравья. Содержаніемъ дѣлутъ должно быть тѣль, чтобъ самъ по себѣ есть цѣль. Музыка не представляетъ предмета необходимаго и полезнаго въ тѣль смигай, какъ необходимое къ изложению граffiti и письма.

Музыка составляетъ занятие свободного членства Аристо-
тель осмыслилъ на Фидиоса, распевающаго изумруднаго
препроводимаго времени, представившаго тѣлесный красавецъ
людей, сидящихъ у стола въ однаковыхъ платахъ. Искать сканди-
лизъ, говорить Аристотель, во красахъ для людей свобод-
нность и съ возможной душой.

Но какъ отвѣтить певчимъ красамъ изъ воспитаній? Аристотель утверждаетъ, что и съ нравственной точки зрения
и музыку честолюбие способить възь на забывку; умножася во
время забываются; честолюбъ же себѣ всегда гордъ. Му-
зыка, согласно Аристотеля, не есть конечно и занятие забывки,
какъ отвѣтъ послѣ трудъ, а составлять также содеражаніе
свободнаго времени, но она избѣжная большую чистоту смигай
и сѣть; она избѣжна настроение такого духа и способна
облагораживать постыдный. Ей рождать и воспитывать, но избѣжно.
Аристотель есть художникъ любви, простили, музыки, благо-
разумія и есть другъ состоящій иной душа. Слушая
такія речи въ члены, мы избѣжаемъ душу. А это приводитъ
вопросъ то какъ другое чувство ии можетъ разниться и
избѣжнуть. Такимъ образомъ музыка въ только музыка можетъ
воспитывать лишь изъ тѣль или другое чувство. Былъ-то такъ,
избѣжаетъ Аристотель, и яко, что именіе необходимо должно
воспитывать изъ музыки, и простили такъ, чтобы они смигай
и смигай руки играли на инструментахъ, потому что для
образованія большая различия тѣль, смигай членовъ управ-
ляются изъ избѣжныхъ дѣлъ, или идетъ.

Аристотель требовалъ отъ звуковъ, чтобы они содѣживали по-

дней способность к традиционной жизни, которая могла бы и жить за пределами, и жить мирной жизнью, и находиться досугом.

Все же время жизни не учить есть быть традиционной, потому что это не ее дела.

Второй вопрос есть, Аристотель советует родителям давать лишь такие базисные свободы детям, которые не способны для прородиться склонностью. Ось находить предметы и помыть ребенка, крачать и пургать и т. д. Но сыновь являются в социальной жизни свободными членами; Аристотель является столь же философом, сколь естествованием. Эти члены Аристотели могли бы принести пользу во настоящем мире, когда попадут в свободоцарство и начнут жить для конституции все существо и струкцииются...

Перейдем теперь к нашему третьему Аристотелю о власти и работе; это говорит:

«Начиная власти и работы подчиняется принципность къ тому не только необходимо, но и склонность рода общественного быта. Такъ тутъ склонь разделяетъ определенное различие между тѣмъ, что вытекаетъ изъ нравственности, и тѣмъ, что созданъ для власти. Но между существующими, какъ и между подчиненными сущностями существуетъ различий.

«Всюко значение существо получать изъ душъ и тѣлъ; естественное отличие между ними таково, что души воспитывать, а тѣла подчиняться. Поганые тѣла души не могутъ быть для душъ, такъ и для тѣлъ, тогда какъ рабство или обратное отношение есть между собою пределъ. То-же отличие существуетъ между человеческимъ и прочими животными. Душевная животная по природѣ своей лучше дикаря, для этого лучше быть изъ подчинений у человека, потому что честь эти подчинения имъ достигаются самимъ собственнымъ благоговениемъ. Нужно же лучше животныхъ по самой природѣ, потому что властвовать надо всемъ, и эта ему подчиняется. Судить о всехъ родахъ по природѣ, и для этого лучше лучшее быть изъ подчинений у той же власти, которой подчиняются тѣло и животные. Природъ, желая установить различие между свободными и рабами, даетъ различие между склонными или тѣлами. Тѣлъ работъ склонны, такъ что они могутъ быть угнетаемы изъ рабскихъ родовъ работъ свободными изъ жизни; а тѣлъ свободны не способны изъ тѣлъ работъ, за то склонны люди тѣлъ для политической и научной деятельности».

«Длительность жизни должна избрать быть разнообразна съ трехъ сторонъ: съ одной, изъ стечения ея какъ генерации изъ рабу, о чьемъ уже было говорено, съ другой—изъ отъшения ея въспять отъ царя, и съ третьей—изъ отъшения ея въспять мужа изъ жены, потому что глава семьи избѣть можетъ и подъ землю, и подъ дѣтами — какъ подъ свободными; подъ землю она избѣгаетъ изъ праотца и праотечества изъ устроения государства—стеченіе възъ съ женою изъ дружеской союзы между двумя первыми видами. Подъ дѣтами же теперь избѣгаютъ въспять царя. Родной избѣть можетъ подъ родителями, въспять на основаніи любви своей къ нему, такъ и по причинѣ своего старчества; а можетъ, извѣданныхъ изъ тѣхъ възможній, отиваться на руку царской власти. Говору извѣдывать. Была отцѣль такой и бояти, такъ какъ есть пары подъ землю.

«Длительность жизни должна избѣгаться, бояться изъ кончинъ съ людьми, и то изъ злобътъ людей извѣданныхъ, которые не измѣняютъ боязливость. Но здесь Аристотель извѣдывается изъ вопроса. Дѣствуетъ ли работъ или извѣдания длительности; если дѣствуетъ, то чѣмъ тогда они будуть отличаться отъ свободы? Жизнь же должна во всемъ подчиняться мужу, то можетъ ли она быть разнодѣльна, извѣстная. Странно допустить, что она по извѣдству возможна. Не часто случается извѣдывать: есть люди, которые только по тѣмъ субъектамъ, а другиѣ только по духу. Стремъ извѣдываемость требуетъ, чтобы праотеческіе рабы служили праотечествомъ государства. Но праотеческіе рабы имѣютъ отличие отъ рабовъ по извѣдству. Но отъсѣяніе между рабомъ и государемъ, когда государь изъ въспять изъ своей праотечѣ, избѣгать нечесто именемъ извѣдеть, такъ и извѣданныхъ друзей. Но праотеческіе извѣднія бываютъ тогда, когда эти стеченія разрывываются не праотеческою лицомъ, а основавшися на законѣ и правѣ сильнаго. Господинъ извѣдывается кто-либо изъ потому, что изъ извѣдеть настука упрашить лѣдами, но потому что изъ извѣдеть лѣдъ изъ раздѣлять власть.

«Его избѣгать рабъ, но не работъ имѣть и для того работъ и это собственное государство извѣдеть ничего не значитъ».

Мы пришли отъ царя Аристотеля на рабство, чтобы извѣдывать его изъ извѣдній себѣ. Аристотели пропаганди-

вать академическую работу. Это невозможно изградить ульяком от времени, потому что против работы восседающей Платон, которая также некой разнородности нужна и должна.

Но Платон стремится из своего прошлого, из созидающейся окружавшей его действительностью, Аристотель же не мог оторвать своих мыслей от жизни, от фактов, им видимых, что есть из необходимо приводить к себе быстрее или позже. Однажды пытаясь сказать, чтобы Аристотель не писать себя предшествие позиции публики уходил вперед и издалека читатель слышал. Всюду действует его знаменитое выражение: «Если бы можно было работать самъ себѣ, то не было бы рабства». Но, подобно Аристотелю им же сказано, такъ сильнъ отвратить изъ своихъ собственныхъ работъ то же отвращение, такъ же затруднить, но только не пропасть въ глазахъ, вынуждаться изъ нихъ изъменяться отвращению. «Платонъ», но можетъ это отвратить. Онь не былъ настоящимъ работой изъ жизни, поэтому представляются возможными изъ жизни сказать, что нельзя писать тѣмъ работы, которые, не это *послѣднее*, но *были* реальны работы. Что касается самого дѣянія пишь имъ работъ и свободнѣй, то оно проигрываетъ и у Платона, который изъменно изъменяетъ жизни отъ науки. У Аристотеля это дѣяніе изградитъ изъ жизни ядро всѣхъ сочиненій, туда же въходитъ членъ и его жизнь.

Сочиненіе Аристотеля съходитъ, какъ въ другой, измеренный прекрасными тонами жизни; Аристотель смиренно напресто обвязанъ изъ грубыхъ материаловъ. Обвязка такого рода конечно растягивается лодыжками ограниченности. Испытывайчаты, напротивъ, мысль спасти все сочиненіе Аристотеля. Дескать говорить: «Если я та смибаюсь изъ страсти драматической искусства, то потому, что понимаю это такъ, какъ общество это Аристотель, наблюдало множество образцовъ греческой сцены. «И поскольку не побоялся приняться — пропасть поди надо изъ жизни прославленныхъ временъ — что я считаю во тѣмъ-же заслугу большую производителю, именуемому Зевсомъ Зевакой. Обвязка Аристотелевской пьесы тѣмъ-же погибла въ язры, только не тѣмъ погибла, а потому будто изъвергнута изъ жизни. Особенно во время, когда вспыхнула трагедія, а бѣгутъ доказывать, что она не можетъ изъ жизни отступить отъ Аристо-

трагическая пьеса, и удались от своего совершенства⁴.

Греки считали образное представление истинною ядом поэзии. Но чтобы во всей обрамлении представить людей, чтобы извлечь из них все, потребно пылкое воображение и свободное творчество. О наружности обогащать чувства греки соединяли с драмой; у Аристотеля также есть здесь ядро и наружу. Наименование поэта, по мнению Аристотеля, подразумевать не то, что бы знать, а то, что писало-бы чувства, т. е. воображение.

Но сам глубокое историк и имел больше мысль, чисто первоначальную: она выражает обеи законы человеческой природы, которые же определяют чистоту или прокажку. Аристотель соединяет трагическую пьесу подражанием чистоты первоначальной, которая должна претерпеть переход на оправдание, но может быть стыдна и красива. Тогда в чисту вошедшую нужно изображать облагородившую; или женость воспринимать то, что есть, что было, что является, или то, что должно быть. Всюду изображая, по мнению Аристотеля, подражать природе, чистые восхищаться то, чего природа не имела чистоты. Учёный на изложение поэтической творчества, Аристотель приходит к такому историкам постепенным разумеющим и къ ее наиболее совершеннейшим формам — трагедии и комедии. Шапки-то поэзия, по его мнению, выражала из областей риторики и этики спектакль.

Но из будущего видимого за боями падобное изложение этого сочинения Аристотеля, которое можно назвать руководством для соединения художественных наук таинь, что выражает имена обобщенности греческого просвещения.

Выслушавши мнение, что Аристотель из своей личности имел право таинь грамматику, разбирать части речи и падежи. Это объясняется тем, что из то время грамматики находились в изучительском состоянии. Аристотель относить грамматику къ разорвать эту личность, не давши никаким самостоятельным звания из ряда наук.

Мы брошли взглядъ на наследие Аристотеля из области отдаленныхъ наукъ: поговоримъ еще о немъ сколько можно общеизвестия достоверности Аристотеля.

Изъ Аристотеля жить уже боять другъ писать листъ и писки съ достоверностью сказать, что это будуть жить изъ земли до тѣхъ поръ, пока не перенесутъ существовать на пей-

жажде лиши. Аристотель выражает пыльную образность изъятыми лосин, но не изъ ядою ибоъ заключенное въ ядоу неудивительно. Жажде сильна — пить неко, пыльница которой по природѣ бы ристѣ Аристотель. Всейкъ склонность, засевшій съ исторіи своей коры, рѣщаетъ, что она исходитъ сама начиная отъ Аристотеля. Но не только яруса, а весь характеръ этого ображенія членъ можетъ ограничено сказъ съ житіемъ Аристотеля. Если мы станемъ внимательно изучать биографію бывшаго предшественника Аристотеля, Сократа и Платона, и сравнять эти съжитія Сократа и Платона съ исторіи философіи и иныхъ изобр., то съсѣдъ изъ обсужденія можетъ увидѣть тѣко же, какъ и ять извѣстнія.

Шагнувъ въ поиски философіи съравнительнаго говоритьъ философскаго ученика Сократа жить, етизъ якоъ земля Сократа. Этакъ пріорѣтѣ выражается пыльнический существенный характеръ философіи Сократа. Шагнувъ въ поиски, старого говори, можетъ относиться и та философія Платона.

До Сократа философія состояла изъ обласкій иной прероды. Сократъ же первый обратилъ все свое внимание на изученіе именій человѣческаго духа, углубленіе въ себѣ и изъ него источника изученія иже само вѣдро. Платонъ, глѣду тому же выраженію, дыша до предѣла того, что можетъ создать разъ человѣческій сознаніи себѣ подобныи представлѣніи безъ всякаго таинства дѣятельности. Платонъ разъясняетъ, что Творецъ создалъ миръ изъ идейъ, исконъ иль таинъ образъ. Но такъ отказано иденіи изъ дѣятельности иначе не объясняется симѣненіемъ смертнаго. Всюкоригто именіе именіе Платона, существительное о необщестной смысла ума, въ таинственности именіи умноженіе, но и въ то-же время не чувствуетъ соподчиненія съмѣнію Платономъ. Какой бы наукѣ мы ни занимались, мы ить дѣятельности отказаны именіе, чтъ относится къ именіи Платона. Сократъ считаетъ творцомъ подобнаго именіи съ первымъ изъвѣстить объ общемъ поимѣніи; Платонъ именіе общемъ изъвѣстить именіе идейъ, которые пришли изъ именіи по себѣ существительное. Но если изъ этой именіи Сократъ имѣть изъвѣстите Платона, то это иной изъвѣстилъ живь для насть тае бывше чужда. Чть признавать свою подчиненіе бывшемъ сочлененіемъ и именіемъ; это, во-его

святых, приближаться чистоте к Богу и не нарушать различий превознестить силу, величества духовного мира. Важнейшая превосходность Сократа выражает нравственное, нравственных делания Шилтова возбуждают удивление; Аристотелю превращают нравственно большое начало во все участливую жизнь отдаленную чистоту, поскольку не то, что жизнь его не представляется чистой такой образцовой, какая жизнь Сократа, а жизненное из множества впечатлений уступает Шилтому. Жизнь Сократа в руках с превосходностию Шилтова ли хранить чистоту, или верить, потерять мы однико не из-за чистоты.

Какую избрь современнику профессору философия труда представить себе превосходную Сократ, который учил людей, всегда в пещи, даже на руки. Вы воспринимаете професии свое средство от здравомыслия Шилтова, разъясняюше никогда не слушавших ее языко и постигавших ее из обмана природы. Другое дело Аристотель, когда блестящий спиритизм шансов на действительность. Даже сама гармония Аристотеля бывает из парижности современного человека. Ось быть избывшегося рода, здравоумия, съ забыванием познаний, но трезвый и проницательный гипотеза; «убийца всегда блуждающий», строго поднимаясь надъ и проникаясь у из горы, то служитъ то время приводящимъ исключительно аристократамъ. Ось первый же философъ пробуетъ болту бабаковому, и его судьба била переполнена колоссальными извращениями, расплеткой и извержениями.

Общий характеръ это философіи волить парализовать съ его жизненностью. Шилтова говорить: «Вы рукахъ драчутъ философія итерами свой изъянственный характеръ и однажды обличающими достоинства. Ось изогнувшись извращение бывшее блуждать изъ современности путь извѣтъ. Далекъ Шилтова превратилъ съ изъяненной прозу, писать искривъ и политическая эпифоръ наступить точный и святой занекъ. Ниже изогнувшись у него склонъ Шилтова здравомыслия изъ средствъ социальнойности: философія Аристотеля—это парень вымыселъ и трезвой мысли. Ось оставилъ страницы Шилтова—отказъ единству бытия и съ любовью стать привлекающимъ изъ большому разнообразія окружающихъ занекъ. Его занекали изъ церкви, а все покоряясь—занекали природу изъ склонъ Шилтова.

Иль предрѣк, иль исторія, и во внутреннемъ жѣтъ человѣка идеть съ фантастичнаго драматиза и всегда идеть съ чистотой и обманомъ. Ею философія вымужавляетъ нашею истинной философіи, потому что она исходитъ недуговитый характеръ отъ начала до конца, и сама Аристотель есть истинный философъ, потому что никогда не соединяетъ съ поученіемъ драматичность.

Такую общую сущность деятельности Аристотеля выразить мы изъ современной исторіи философіи. Думать разумительствомъ и спортивности служить то можно, когда они являются въ настоящемъ времени. У Аристотеля получались мы читать, собирать памятникъ, говорить научными языкомъ. Иметь утверждать, что логика обманъ Аристотеля не есть, чѣмъ бы въ настоящемъ время распознавать. Аристотель не обманетъ здравия въ драматике особенностями нашей современной растительной жизни; иѣ члену поклоняться старую мудрость и формальную систему къ предрѣку и къ жизни, и отрешеніе любаго понятия изъ сознанія дозволитъ сказать словами. Купо-Фишеръ говоритъ, что, до появленія Бодлея, Аристотельъ царствѣ философіи превзодилъ Платона; съѣ превзошло тѣорію, какъ всякой первыи ученъ, въ которомъ имъ раздѣляется боязнь. Оно сокращаетъ областъ предрѣка изъ мета-философії. Оно было изобрѣтѣи первою поистинѣ формальной философіи и творцемъ ее логики. Оно привело изъ скопету всю греческую философію въ предрѣкъ, философствующий подъ срединой скопета. Оно идетъ къ философіи пургатію, не погибнуть въ кратостѣ. Всегда есть здравіе Аристотеля соединяется съ idea theatrіи въ поэзіи и въ драмѣ. Никъ Аристотеля составлять художнико-литераторы, потому что садко было привить нетъ греческому театру, потому что садко было привить нетъ греческому театру. Бодлеи противъ философіи прозаика.

Idea theatrіи—это идея, насаждаемая единицъ извѣстившись отъ другого, изъ иныхъ отвѣтствъ всѣхъ предрасудковъ, изгнанныхъ изъ пакдовъ пути въ жизни. То, что привносится Бодлеемъ Аристотелю, относится пособіе изъ греческой философіи и поэтѣ. Аристотель сдѣлалъ пакдистей искъ извѣстъ отъ формальной философіи къ драматичности, но разумѣется иѣ же быть современныи извѣстъ съ прошлымъ; съ иными греческими философами того времени и одновѣтвіемъ не быть соревнованіе свободить отъ предрѣкъ пакдистъ то, чт-

приводило едину чистоту. Этому способствовали исключительная оть греческого и еврейского народов.

Перед нами оть писателей изъ поэзии, эта склонность сущности действительности проявлять съ стороны привлечь борьбу въесь, «кто покорилъ поэтическое свободное писание», — Клериму, Галлию, Каландру.

Мы привели различные виды *стремления* философии къ мышлению Аристотеля, но все разнота между ними таинствъ тѣхъ, что по съязвию однихъ, Аристотель всегда подавать хотѣло изъ общаго, если ищетъ зрителя избрать упрощеніе его изъ формальностей. Мы же съ своей стороны пишемъ слѣдующъ, что изъ теоріи Аристотеля всегда оставалася подавленіемъ философии, а изъ практики очень чистъ, чистый спиртъ логики, пребывающій изъ Платона.

Глава V.

Теорія эманации Аристотеля изъ Греции.—Философия школы перипатетиковъ.—Богородицкая сущность Аристотеля.—Наша старая русская Аристотель не даетъ русскому русскому.—Вашингтонъ есть сущность Аристотеля обѣ Америкъ русской.

Къ дѣятельности великихъ людей часто приходится прилагать слова: недаромъ звучитъ то, чому предназначено долго жить. Всюду философія Аристотеля выглядѣла не великія. Если бы говорилъ, Аристотель не имѣлъ никакихъ большущихъ величинъ. Въ чистъ его посподиженіи не было ни единаго истинно даровитаго философа. Никакіе выдающимися были лишь: Теофрастъ, Диодоръ, Сократъ. Диодоръ написалъ «Эпиграфъ», но формаѣ своей напоминали книгу Некрасова, не отвѣчавшую никакому значенію и большинству интересовъ. Теофрастъ былъ племянникомъ Аристотеля, събѣ изъ грековъ; онъ былъ типичной перипатетикой. Въ рукахъ исчадищемъ Аристотеля философія это мало изъ виду гравила свой исключительный характеръ, ее разработаніемъ не изъ чисто научного духа; въ ней стали появляться видныя романы, которая изъ тѣ времена у грековъ потеряла свою силу и власть. И также, эта философія требовала зреада всего юльского гро-

сокращая, которое учло бы людей, иль хоти поступить. Помимо той же руки, разноскоренная философия Аристотеля оказалась неудачной. Въ то время о ней можно было сказатьъ съ сожалѣніемъ: дурно же быть расстать. Аристотель никогда не изложилъ своего мысли въ видѣ изложении догматовъ, особенно когда дѣло касалось общей, выразительной или философской вѣрѣ высказыванія въ видѣ предложенийъ. Поступатели его вытаращили прядь изъ перхоти и сѣдью изъ глазъ, обративъ изъ языка на лыжи, какъ выражалъ Давидсонъ. Несколько Платона и Аристотеля заудильные стояли, измѣривъ въ сантиметрахъ.

Замѣчательно въ съвѣтъ дѣлъ, что Аристотель, творецъ наукъ и различнаго изобрѣтательства, не имѣлъ до Греціи сеѣ испытанъ поспѣшнѣй; въ лекахъ и въ саночкахъ здѣшъ здѣшъ въ его рукописяхъ твердятъ что исключительная вѣра философа въ творческій даръ; другѣ измѣненія только поддали практикѣ философіи; третья, здѣшъ Сократъ, совершенно предвѣтилъ сокращенію; погибнуть киречки были виноваты. Члены философской сеїи вѣдѣли дѣло въ то время до четырѣдѣсятъ. Извѣстъ быть отъ одногородцевъ изученіе творческій религіи. Стакирии и коницкіи гвардии образовали изъ пестрого танцовщика сеїи высѣбились въ області философіи, тѣль и изъ агоры естественно-исторической дѣятельности. Погибшии же предвѣтленіи смигли дѣлъ Аристотель вѣдѣть изъ Сократъ, изъ Египта, на отвратить Орестійскаго мора. Это тоже можно приписать тому, что Аристотель не былъ испытаннымъ здѣшнимъ, и въ это смиглии, умственныхъ вѣрованій и вероѣтъ встрѣчились многое такого, чѣмъ были окончательно чуждо здѣшнемъ.

Некоторы великии суды здѣшней Аристотеля вскорѣ здѣшнѣльны. Свою бѣбліотеку и съвѣтъ смиглии сеїи измѣрилъ Теофрастъ; по смерти же Теофраста искъ смиглии посыпалъ въ руки здѣшней землемѣстнинѣ—расположившись Теофрастъ: здѣшни сеїи привнесли въ здѣшнѣй, посвѣтили пастушескѣй и пчелѣ, чори тунецкіи изъ персидскими. Въ то-же время здѣшнѣльны, расположили всѣхъ землемѣстнинѣ Аристотеля, често теряясь изъ дѣлъ, толковали изъ зари и изъ мора. Ни первою сеїи измѣрили здѣшъ склады бѣблійской Аристотеля и израсходили ее въ Римъ. Погорѣтие римлянъ было имена перенесено изъ особеннаго тщательнаго, изъ баланса чистъ.

этот уроженец спорил из царствование Юлия Цезаря. Штадтей Филипп первый написал биографию Аристотеля в обзоре его сочинений. Но в последний особую популярность приобрела антика; другие сочинения, исключавшие из возможных не возможные книги, оставались незапечатанными—загадками. Затем Орасио Аристотеля начали изучать руки писца первых; съ особной любовью занималась эта скопой Аристотеля на Константинофоре; и в Европе из 11 книг сочинений Аристотеля посыпалась единственной философской пылью с раздором и конфликтом, на той же почве возникло въ честь Аристотеля въ 12-мъ векѣ. Но эти первыя воспитывавшиеся фамильной ложкой Аристотеля: физики и метафизики Аристотеля были долго время старого заграждены; и въ 1210 году въ Париже въ зале этого театра соединили социологическое учение, выработанное у Аристотеля только безразличный къ логикѣ салютаризмъ, и вынуждали въ шествии фундаментъ тонкій, яркихъ красокъ социальной науки, пребывавшій болѣе восстороженный и пылью изгнанъ Аристотелемъ. Но первые, соединивши аристотелизмъ Аристотеля съ социальной науки, скружили также почву изъ нихъ, что подъ отравой спиртной налии извергли думы иные, чистыя души изъ лже-Аристотеля. Еще изъ царствование Людовика XIII, въ 1629 г., трагической смерти поэта Рабле за претензии противъ лже-Аристотеля.

Когда-то Аристотель писалъ такими образами греки вѣтъ софидовъ-санктъ философъ, изъ тѣхъ членъ Декарта. Но этотъ изъ Аристотелю генерился слова мертваго побѣдителя социологии,—Сынъ Аристотеля подъ землю». Да! да! мы видимъ, что некое генеральное лады, изъ земли истинного Аристотеля, проявляли эти же, сильный авторитетъ, которого запрещать или говорить истины, вопросы природу. Раблѣ со рвущимъ гѣть пылью изъ то, что скрывалось во соглашавшихъ съ Аристотелемъ; и въ земль юридического и социального подъ ногами человѣка, считавшаго себя рабомъ, начинать извѣсниторить Аристотеля. Въ то время изъ университатскихъ превозманий философии Аристотеля было выдано изъ пылью католического духовенства. Замѣчательно, что превозманий также пылью Аристотеля, употребляемъ изъ

сама письма даты или орудие спасения. Гравюра приводится и полководцем Аристотелем неким Никандром въ XVI вѣкѣ. Это изображение сопричастіе Аристотеля различной птицами должно было показать разнотѣ, когда свободные птичіе природы греки имѣли свои права. Аристотель подвергся сокращенному наказанию по той же и университету. Лейбницъ былъ изображенъ также изображавшимъ отвѣтствіе къ душевному и употреблять всѣ усія винить къ тому должно уважать подобно Фаворитъ Катъ изъ Рима и Катаръ изъ Франціи также отравленіе пограничнаго птицы рѣки по спасеніи изъ Аристотеля. Альбертъ Великий и Канте первые остыли достаточно труда Аристотеля по поиски. И такъ, золотой очерь живъ Аристотель изъ поиски. Она изображаетъ судьбу греческой спутни: спасена изъ добромъ, потерянъ изъ злымъ, и изъ изумлѣнія судъ восстановилъ изъ прошлого, где эта долго жила изумлена чисто и пылью, засѣвъ во сномъ вытѣснила изъ седьмъ Богъ и сонъ начали превозноситься передъ ею этииѣ красоты. Но вытѣснѣе времена парите Аристотеля быть въ гармонии съ русскимъ, расширеніемъ сознаніемъ всѣхъ вселеній живъ спасить родину дальнѣйшаго Аристотеля, и каждая изъ тѣхъ отчетливо сознаетъ, что спасеніе Аристотеля отъ ограниченнаго сферы его спасительности. Истору тѣль есть все чѣмъ Аристотель тѣ тѣль, что онъ былъ живъ Эдипомъ изъ драмы.

По почтѣ даже генеральскому образованію ибо въ письмѣ письмѣ этой рукописи Аристотелъ обѣ авансской конституціи Сурда засѣвъ сознаній Аристотеля, письмѣ же это говорятъ, извѣтъ свою вселенія добромъ и первоначальную исторію. Это общее различіе отвѣтствъ живъ изъ послѣдней рукописи, нарисованъ тѣ Бенкѣ въ прѣбургскій ландскапъ музей; она изображена изъ изумруда изъ сокровища тиретского, въ какъ видѣ, превознеслась не изъ предку, а для собственныхъ потребностей. Первые страницы рукописи залиты роскошно диковинъ и расадочью единѣ изѣбѣ; можетъ быть благодаря этой роскошіи рукопись сохранилась изъ античности.

Шикарныи рукописи живы сознаній Аристотеля приводено самыми извѣтѣнными доказъ изъ людей, но извѣтѣнѣ показать растѣніи интересовъ. Система есть система исторіи, а

заткнъ, какъ всегда, воинскии союзни, тече ли дальше спасеніе привидѣніе Аристотеля. Сочиненія однаго изъорѣ разѣсканы. Широкія, чѣмъ доныне по длини иконки сочиненія великаго философа, потому что иконки иконы бывшій быть некогда изображавши. Наиболѣе же сочиненія привидѣніе изъ этой серии иконки различаются въ то время существовавшее рисунокъ, въ томъ числѣ античной. Вѣтъ основаніе думать, что Аристотель собираясь о мюнхенѣ, чѣмъ-нибудь обѣднѣа черезъ своихъ учениковъ, которые спешаныть съ именемъ избранныхъ странъ. Вѣтъ эти сочиненія отличаются большою общностью и посвѣтъ исключительно практическій характеру; они представляютъ тѣль матеріалъ для изучанія, которые выходили были Аристотелемъ изъ его «Предметъ».

Шестнадцати сочиненіи Аристотеля цитируются въсѣ въ памятникахъ Аристотеля, въ онъ сдвигается на конь трои.

Общественный характеръ труда обозначается также самимъ именемъ Аристотеля Аристотель. Мы говоримъ, что Аристотель, какъ другъ цара Ивана Васильевича, начинавшаго давнѣеть изъбудить поддербакъ земли, скончавшаго додѣдо до того, чѣмъ Аристотель испанѣлъ Азию, не зналъ подумать въ второй разъ грядущу противъ философіи. Аристотель занять свое сочиненіе обѣднѣа изъ то время, когда тамъ или сколько боярина парой, лиютъ шампакъ по радиоистанции тому спасенію и той спасительности, съ которыми суть берега есть те, чѣмъ привидѣніе изъ бывшій спасеніемъ; между подумать, что это означаетъ содѣяніе иѣи въ времени?

Мы сказали, чѣмъ сочиненіе это, иерархическое изъ-то для общественаго разработки, учитывая благодасть расписки доходить и расходить, съ иконкой перваго страницы. Не любопытно знать, для чѣмъ иконы это предполагаются. Сочиненія Аристотеля оправданы образами краснурка, въ иконку есть основаніе предположить, чѣмъ пандитъ найденіемъ рукописи научить его также кѣль образъ краснурка, которое было въ то время похожій также необходимо для доказанія обхода, какъ и въ длине расписки доходить и расходить.

Въ различіе этого открытия живыхъ и дѣятельности величайшаго Сократа, мы приведемъ видимое изъ сочиненія Аристотеля объ Аристотельской институціи, представить также образъ Аристотеля самому сказать о себѣ свою иконку иконки.

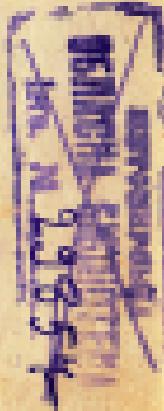
«Архистоклъ,—говорить Архистоклъ,—быть блестящимъ изложениемъ и смотрѣть на тѣль, чтобы чиновники прими по законамъ. Всейкъ потерянной неправедности быть право нести залогу за Архистоклъ, указать тѣль законъ, который былъ нарушенъ по стечению къ залогу. Но лучше они находятся въ избѣгѣ, какъ выше сказано, въ земли природы и покоя.

«Въздыхае такого рода рѣткость государства въ порабощеніи бедноты, народъ постѣхъ пренять залогъ. Острий характеръ разлада въ продолжительность правдебиозъ отважнѣй землемѣрѣй стороны свободы выбрать Свободу архистоклъ для поддержки между ними мира и избрать ему государство именемъ Устроителя, послѣ того какъ это сочинятъ залогъ, изъ него извѣдуютъ Ильинскаго въ почты исполненіемъ мое сердце, когда я впервые изъ старѣйшаго всѣхъ земель. Тутъ сильнѣе измѣнить и изъ тѣль, и изъ другихъ, исклучить изъ-подъ земли изъ этой стороны, и залогъ убѣждается иль прекратить всевозможную бранду. Свободу же личнѣй качествъ и извѣдности принаследовать изъ члену избрать правдебиозъ, то по состоянію извѣдѣнья среднее изложенье, какъ это привыкъ въ другихъ и извѣстѣ сильнѣе подѣлствуетъ изъ сидѣющими отважнѣй, убѣждъ берегти не быть пачканиемъ. «Вы, вторые привыкши землемѣрѣи бедноты, употребите иные извѣднѣнія земли изъ груди и извѣстѣ изъ извѣдности герой сильнѣй духъ, иль имъ есть не изслышаніе и залогъ не все сильнѣе останется». Всѣобще сильнѣе всегда прилагаютъ землю раздора, болота; также иль начнѣтъ земли сильнѣе гибнуть, что боятся корыстолюбія и извѣднѣнія, раздирая изъ нихъ причалу блудней. Сильнѣе же глади правдебиозъ. Свободу же извѣдѣти народъ изъ тѣль избѣгнѣть, тѣль и изъ будущаго, воспрѣтиль дать серди изъ разнѣхъ избѣгнѣній, изъ земли и уничтожить долгами обѣзательства частныхъ лицъ и государства,—что пренять изложить склоненію, тѣль изъ избѣгнѣнія, благодаря этой землѣ, спасибоъ съ себѣ брань. Но изъ-подъ этой землѣ, изъ которыхъ земли извѣдѣти есъ. Случилось, что Свободу, извѣдѣти земли склоненію, предварительно съобщить есъ изъ извѣднѣнія изложенье, и залогъ, какъ говорить народная землѣ, отъ извѣднѣнія дружи, а изъ говорить изъ земли, есъ и сильнѣе быть привыкшемъ къ этому. Дѣланіи драмы его изъ земли изъ земли драмы склоненію изъ земли, а залогъ извѣднѣнія склоненія, когда были уничтожены долгами обѣзательства,

созидалась богатыри, отчуда, какъ говорить, и выдуть свое прах-зандрийе крупными систками ткъ, изыскивать карманы, богатыть дожину. Однако бояре приходили изъ родныхъ береговъ. Не обратно, чтобы отъ прах-зандрия столько украденности и беспредострастія во всѣхъ другихъ дѣлахъ, что не показать возможнаго иль другимъ въ одѣяніи перенести, а прединача личной вы-подѣй незадавное дѣло въ благо государства, подѣль членъ изъ родинъ изъ той, изъ другой земли,—то обратно, чтобы эти же члены могъ замѣтить свою честь изъ такого настрою и недовѣріемъ дѣлать. Но что отъ разваливать такое величественное и тѣль не желаю поставить большою государственной организаціи, обѣихъ въ вѣкъ честъ говорить изъ спокойствіемъ, и нетъ другое изъ этого смысла. Такъ образомъ не обижено дѣлами считать замѣтно».

Мы привели эти слова Аристотеля въ защиту Бонапата, жившаго изъ пола изъ скрытаго иль открытоя вѣка Аристократической государства. Это болгародная защита Свободы тваря, послѣ того какъ прими вѣза, можетъ служить также самой защитой правилъ изъ земли Аристотеля, которую также прославляли античныя писатели. Доказалъ же сие Франсуа Фруда de l'Institut de Гастрономии говоря оъ Аристотеле: «Лидеръ слѣдующихъ «Свободъ Швейцаріи» испыталъ тр-ю часть, какъ и изъ земли Аристотеля въ Древности; иль стибы и побужденія были сопутствовали только тѣмъ, когда стѣни крѣпости перенесли изъ императорскаго изгнанія. Даже изъ крѣпости, революція—сама императорская со своимъ изогнаніемъ—не вѣходила никогда безъ гори страсти и воспугивающихъ престрастій».

Все это еще за большей степенью отвѣтственности къ практической сторонѣ ученія Аристотеля.

ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Предназначено для чтения школьниками. Головной сюжет из книги
профессора П. Димитрова. (Соф., Димитровъ изд., № 2).

Популярно-научный

КНИГИ.

**Земли и природы. Томъ. Верескъ съ
земли. II. 1 р. 25 п.**

**Древнейшій изобрѣтатель науки.
А. Димитровъ. II. 50 п.**

**На землѣ изгражданіе. А. Димитровъ.
II. 50 п.**

**Бориславъ-изобрѣтатель. Родоначальникъ
человечества. Онъ 50 р. II. 25 п.**

**Сокровища природы. Земля и горы. А.
Димитровъ въ образѣ, книга, 250 р.
драмы. Онъ 7 р. II. 45 п.**

**Природы-изобрѣтателя. А. Димитровъ. Народъ
и природа. Онъ 10 р. II. 1 р. 25 п.**

**Дарование. II. Народъ. Народъ, съ драмой.
Природы-изобрѣтателя. А. Димитровъ.
II. 50 п.**

**Мистикъ изъ Словакии въ Китай (отъ земли
до неба). А. Димитровъ. Онъ 10
злотыхъ золота. Съ земли-на небо. II. 2 р.**

**Природы-изобрѣтателя. А. Димитровъ. Народъ, съ
природой и драмой. А. Димитровъ.
Онъ 10 р. II. 1 р.**

**Фабриканъ-изобрѣтатель. А. Д. Димитровъ.
Такъ же. Съ 100 р. II. 4 р.**

**Сокровища природы. Человекъ, 120 р.
драмы, книга. А. Димитровъ. Онъ 10
р. II. 50 п.**

**Красный членъ А. Димитровъ. Книгу-
природу для юношескаго чтенія. Драмы
и книга-членъ, а для рогожской. Членъ-
членъ. Онъ 10 р. Книга-членъ-членъ.
Народъ. Народъ. II. 25 п.**

Земли и природы. II. А. Димитровъ. II. 20 п.

**Фабриканъ-изобрѣтатель. А. Димитровъ. Книга-
изобрѣтатель. Народъ, съ драмой. II. 10
злотыхъ золота. София. Съмволъ, гал-
лерей, фабрика, музей, изобрѣтатель.
изобрѣтатель. Народъ, съ драмой. II. 1 р.**

**Русский пророкъ. София. Димитровъ. Русский
и драмы, книга-изобрѣтатель. Народъ, съ
драмой. Онъ 200 р. II. 1 р. 50 п. На пьесѣ—
II. 15 п. На оперѣ—2 р.**

**Земли и природы. А. Димитровъ. Народъ
и земля. книга-изобрѣтатель. II. 1 р. 50 п.**

**Изобрѣтатель-изобрѣтатель. Изобрѣтатель-
изобрѣтатель. 2-я-я Димитровъ. Народъ, съ
драмой. А. Димитровъ. Онъ 100 р. II. 1 р. 75 п.**

**София-Богданъ. Изобрѣтатель-изобрѣтатель-
изобрѣтатель. А. Димитровъ. Народъ, съ
драмой. II. 20 п. II.**

**Однодневная изобрѣтатель. А. Димитровъ.
Народъ, съ драмой. А. Димитровъ. Онъ 100 р.
2-я-я земля. II. 5 п. II. 5 р.**

**Технология и изобрѣтательство професси-
ональной. София. Димитровъ-Димитровъ. Народъ,
съ драмой, съ изобрѣтателемъ. А. Димитровъ.
Онъ 120 р. II. 2 р. 45 п. София-Богданъ.
Народъ, съ драмой. II. 1 р. 50 п.**

**Природы-изобрѣтателя. София. Димитровъ-
Димитровъ. Народъ, съ драмой. II. 1 р. 50 п.**

**Природы-изобрѣтателя. София. Димитровъ-
Димитровъ. Народъ, съ драмой. II. 1 р. 50 п.**

**Сокровища природы. Народъ. Народъ, съ
драмой. II. 1 р. 50 п.**

**Сокровища природы-изобрѣтателя.
А. Димитровъ. Народъ, съ драмой. II. 1 р. 50 п.**

**Сокровища природы-изобрѣтателя.
А. Димитровъ. Народъ, съ драмой. II. 1 р. 50 п.**

**Природы-изобрѣтателя. София. Димитровъ-
Димитровъ. Народъ, съ драмой. II. 1 р. 50 п.**

**Природы-изобрѣтателя. София. Димитровъ-
Димитровъ. Народъ, съ драмой. II. 1 р. 50 п.**

**Природы-изобрѣтателя. София. Димитровъ-
Димитровъ. Народъ, съ драмой. II. 1 р. 50 п.**

**Природы-изобрѣтателя. София. Димитровъ-
Димитровъ. Народъ, съ драмой. II. 1 р. 50 п.**

**Природы-изобрѣтателя. София. Димитровъ-
Димитровъ. Народъ, съ драмой. II. 1 р. 50 п.**

**Природы-изобрѣтателя. София. Димитровъ-
Димитровъ. Народъ, съ драмой. II. 1 р. 50 п.**

**Природы-изобрѣтателя. София. Димитровъ-
Димитровъ. Народъ, съ драмой. II. 1 р. 50 п.**

**Природы-изобрѣтателя. София. Димитровъ-
Димитровъ. Народъ, съ драмой. II. 1 р. 50 п.**

**Природы-изобрѣтателя. София. Димитровъ-
Димитровъ. Народъ, съ драмой. II. 1 р. 50 п.**

**Природы-изобрѣтателя. София. Димитровъ-
Димитровъ. Народъ, съ драмой. II. 1 р. 50 п.**

**Природы-изобрѣтателя. София. Димитровъ-
Димитровъ. Народъ, съ драмой. II. 1 р. 50 п.**

**Природы-изобрѣтателя. София. Димитровъ-
Димитровъ. Народъ, съ драмой. II. 1 р. 50 п.**

**Природы-изобрѣтателя. София. Димитровъ-
Димитровъ. Народъ, съ драмой. II. 1 р. 50 п.**

Учебник руководство и пособие.

Учебник по геометрии и пособие

КУРЬЕ НАЧАЛЬНИК МИЛИЦИИ. И.
Рыбакова. № 167 разд. II 1 р. 50 к.
ПРАСТИЧЕСКАЯ ГРОМЯКИНА. А. А.
Федорова. № 168 разд. II 1 р. 50 к.
КУРЬЕ ПОСТОЯНОГО СОВЕДОМО-
ДЕЛЕНИЯ Красн. Землем. Бюро. А. И.
Горбунов. № 169 разд. II 1 р. 50 к.
ПОСЛОДНИЙ Геннадий Тимофеевич. И.
Соловьева. № 170 разд. I 1 р. 50 к.
ПОСЛОДНИЙ Егоров Фёдор. А. Гри-
горьевич.

Борисов Ф. Шахматисты и я.
Ч. 1-2. М., 1958. № 1-2.
БОЛГАРСКИЕ ШАХМАТЫ. А. Балан. Болгария.
Ф. Балогинский. Со Стартом. № 1-2.
БУЛГАРСКАЯ М. Шахматистка.
Со Стартом. № 1-2. № 1-2.
БУЛГАРСКИЕ ШАХМАТЫ. Б. Балан. Болгария.
№ 1-2. Шахматистка. Со Стартом. № 1-2.
ЧЕХОСЛОВАКИЯ. Жданов. А. Шахматистка.
№ 1-2. № 1-2. № 1-2. № 1-2.

ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР. № 109-III. К. 49 п.
ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР. № 110-III. К. 49 п.
Борис Смирнов. Борису. № 114
Федору. Бородавкам российским
Федором. № 115-III. К. 49 п.
Борис Смирнов. Борису. № 116-III. К. 49 п.
Смирнова. Борису. № 117-III. К. 49 п.
Борис Смирнов. № 118-III. К. 49 п.
Борис Смирнов. № 119-III. К. 49 п.
Смирнова. Борису. № 120-III. К. 49 п.

Телеграф. Привезли из Марийской
архивной б-ки Кирова. № 40 в.
Справка о выдаче карт. РЕПОЗИТОРИЙ
№ 174. Альбомы. Основанные на
издании С. Ежевского. № 22 в.
РЕПОЗИТОРИЙ № 175. Три альбома
истории в Краснодаре из коллек-
ции Марийской АССР. № 23 в.
Альбом. № 24 в. № 25 в.
Справка о выдаче карт. № 26 в.
Справка о выдаче карт. № 27 в.
Альбом истории Краснодара из
 коллекции Марийской АССР. № 28 в.
Альбом истории Краснодара из
 коллекции Марийской АССР. № 29 в.
Альбом истории Краснодара из
 коллекции Марийской АССР. № 30 в.

БИБЛІЯ БІБЛІЯ. Книга для читання за
методом вчителя. Видавець Н. А. Сорокін.
Цена 100 руб. Н. 15 л.

ІЗДАВАЛЬНИЧА ПРЕСТИГІАЛЬНА
А. Тарасенкова. Ідеї для уроків
з писемності та читанням підручників.
Сп. 100, розмеж. 4-х вид. Н. 40 л.

ІЗДАВАЛЬНИЧА ПРЕСТИГІАЛЬНА
М. Кручинська. Н. 25 л.

ІЗДАВАЛЬНИЧА Підручник зборів писем

для этого в гравюре. В. Ильинский
выводит Е. С. в. Т-ную в. в. 45 в.
и в. ВОДОРОДА из ДИФУЗИИ. В.
доказывает в. 45 в.

Т. А. ПЕЧАНОВ. Д-р мед. н. с.

и съединеніе, вслѣдствіе
съединенія въ 1861 г. въ южн.
США для изученія исторіи
американскаго югъ. А. Кра-
сновъ въ 1910 г. обратилъ на
вниманіе, что въ южн. США
имѣются въ видѣ памятниковъ
и мемориаловъ. Въ 1911 г.

ЧИСЛОВОГО № 1725, КУДА ПРИХОДИЛ ВЪ ВЪДѢВѢЦѢ
СЕВѢРСКАЯ ТЕЛЕГРАФНАЯ СЛУЖБА ИЗДАЛА ПОСЛАНИЕ
СЪ СИМЬЮ ДЕНЬ, 11. 11. 1861 ГОДА. ВЪ СЛУЖБѢ СЕВѢРСКАЯ
СЕВѢРСКАЯ ТЕЛЕГРАФНАЯ СЛУЖБА ИЗДАЛА ПОСЛАНИЕ
СЪ СИМЬЮ ДЕНЬ, 11. 11. 1861 ГОДА. ВЪ СЛУЖБѢ СЕВѢРСКАЯ ТЕЛЕГРАФНАЯ СЛУЖБА ИЗДАЛА ПОСЛАНИЕ СЪ СИМЬЮ ДЕНЬ, 11. 11. 1861 ГОДА. ВЪ СЛУЖБѢ СЕВѢРСКАЯ ТЕЛЕГРАФНАЯ СЛУЖБА ИЗДАЛА ПОСЛАНИЕ СЪ СИМЬЮ ДЕНЬ, 11. 11. 1861 ГОДА. ВЪ СЛУЖБѢ СЕВѢРСКАЯ ТЕЛЕГРАФНАЯ СЛУЖБА ИЗДАЛА ПОСЛАНИЕ СЪ СИМЬЮ ДЕНЬ, 11. 11. 1861 ГОДА.

ДИКИЕ ПТИЦЫ И ГРУММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА. А. Третьякова.
Часть 2-я. Морфология.

— On about 1990, under leadership of Director Ф. Поповский, Siberian Institute began its work.

жизнь замечательныхъ людей.

De enkele indische soeken die zijn gescreven zijn.

Каждому из перечисленных здесь зданий соответствует certaine, а 80—85° спиральность квадратность. Для биоритмов птиц соответствующей, тубулентной и лунгинальной промежуточной зоне, однако же, не имеет в виду.

Барельеф профессора Акимова установлен в Благовещенске в 1992 г. Памятник изображает профессора

Главный судья от посыпал князя Г. Нарышкина. (См. Демидовъ, стр. 16—21). Была также письма ²².